

ДАМЫ УБИВАЮТ КАВАЛЕРОВ

р о м а н

Частный детектив
Паша Синичкин
в одиночку выступает
против столичной
мафии.

АННА И СЕРГЕЙ
ЛИТВИНОВЫ

Паша Синичкин, частный детектив

Анна и Сергей Литвиновы
Дамы убивают кавалеров

«ЭКСМО»

2002

Литвиновы А.

Дамы убивают кавалеров / А. Литвиновы — «Эксмо»,
2002 — (Паша Синичкин, частный детектив)

Когда юный хакер Леня, ночью пролетая на желтый свет, врезался в джип и увидел его хозяев, ему показалось, что это кошмарный сон. И он не ошибся – это был кошмар, но наяву. Джип принадлежал всемогущему представителю одной из кавказских группировок, контролирующей пол-Москвы. Вот так и получилось, что Ленчик подсадил маму и тетю Катю на огромные деньги. Правда, Катин друг, частный детектив Паша Синичкин, скостил сумму до двенадцати тысяч долларов. Ну ничего, Ленчик им отомстит... Но через несколько дней его вычислили и похитили среди бела дня. Теперь за него требуют полмиллиона «зеленых». Доведенные до отчаяния мать и тетка решают действовать на свой страх и риск...

Содержание

Пролог	5
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Анна и Сергей Литвиновы

Дамы убивают кавалеров

Пролог

Леня Коноплев

Леня Коноплев даже представить себе не мог, что через пятнадцать минут на него свалится огромная беда. Настолько огромная, что накроет его целиком, с головой. Его самого – и всю его семью.

Он ехал по ночной столице на маминой «девятке». Уверенно рулил, небрежно курил (чего уж греха таить!) и наслаждался разворачивающейся перед ним красотой. В два часа ночи Москва чертовски красива.

На улицах ни души. Ртутные фонари. Самые эффектные столичные здания расточительно подсвечены молочно-белыми прожекторами. Бесполезно горят в ночи бензоколонки. У обочин, на автобусных остановках, бдительно светятся белые будки дозаправки иным горючим – спиртным и сигаретами.

Леня возвращался от Машки. Душа пела. Машка, кажется, любит его!

С обочины махнула рукой голосующая девушка. Молодая, стройненькая. Леня сбросил газ: отчего бы не подвезти крошку! «И денег с нее не возьму. Просто поболтаем о том о сем. Обменяемся на прощанье телефончиками...»

Леня перенес ногу на тормоз... Но... Но в последний момент передумал. Прибавил газку. Сейчас ему не хотелось ничьего общества. Он раздумывал впускать постороннюю в собственный маленький самодвижущийся домик. Говорить придется с девчонкой о чем-то... Не желал он, чтобы *чужой человек* мешал ему наслаждаться собственным счастьем.

В поздний час легко мечтается, когда человеку девятнадцать лет. И сейчас Леня воображал: он едет не на дребезжащей «девятке», а, скажем, на «Корвете». И не по Москве, а по какому-нибудь штату Орегон. И возвращается не в мамину квартиру, а, скажем, в собственный загородный дом. И ему уже не девятнадцать, а двадцать пять. И он не студент, а программист, работающий в... ну, например, в компании «Делл» – с ежегодным окладом сто тысяч «гринов»... А почему бы нет? В конце концов, сейчас он – лучший компьютерщик на курсе... И на Всемирную Олимпиаду в Кейптаун ездил. Америкосы запросто его возьмут на работу...

«Или нет, – воображал Леня. – Допустим, я еду во Французские Альпы... Отпуск в горах... И рулю я из аэропорта в заранее нанятый коттедж... А там меня уже ждет Машка... А может, и не Машка, а какая-нибудь Мэри... Или, допустим, Оливия, или Патрисия, или Кейт... Или никто конкретно меня не ждет, а просто мне предстоит тусоваться на горнолыжном курорте... А там будут и девушки, и новые друзья, и горный загар, и восхитительные трассы... И в багажнике моей машины лежат сумки с горнолыжным, самым прикинутым обмундированием. А на крыше авто на специальных держалках укреплен сноуборд – разумеется, фирмы «Форум»... И рассекаю я, конечно, не на русской «девятке», а на арендованном в аэропорту Гренобля культовом «Порше-911»...»

Мысли Ленчика витали далеко; левая рука небрежно рулила, правая переключала передачи. Щетки лениво смахивали с лобового стекла редкие капли июньского дождика.

Машин на Казанском шоссе мало. Ленчик видел в ночи огни не только ближнего светофора, но и те, что светились на двух следующих перекрестках. И он подгадывал скорость, чтобы все время проскакивать на зеленый.

Скоро поворот к дому. Вот и предпоследний светофор по Казанскому шоссе. Устойчиво горит зеленый сигнал. Ленчик прибавил скорость, чтобы успеть проскочить. Когда до перекрестка оставалось метров сто, разрешающий сигнал замигал. Ленчик полсекунды подумал: «Не тормознуть ли?» – но потом, напротив, прибавил обороты. В голове юноши мелькнуло: «Ночь... машин нет... пролечу на желтый...»

Перед самым перекрестком загорелся тревожный желтый свет. Еще имелось время, чтобы экстренно затормозить, но он, наоборот, в московском стиле, только прибавил газу.

Когда на скорости километров сто в час Леня вылетел на середину перекрестка, для него загорелся красный.

«Успеваю», – мелькнула лихая мысль.

В этот момент он почувствовал, как машину ударило что-то сбоку и сзади.

Леню бросило вправо, на дверцу. Улица бешено закружилась. Леня отчаянно понял, что «девятка» больше не слушается его. Огни, фонари, светофоры – все завертелось вокруг. Кажется, на пару секунд он потерял сознание.

Когда он очнулся, его машина стояла посреди перекрестка. «Кажется, я влип», – подумал Леня. Мысли были далекими и отстраненными, словно все происходило не с ним.

Ничего не болело, но в голове странно шумело, словно мозги только что как следует встряхнули внутри черепной коробки. Ночной перекресток выглядел совершенно пустым.

Пустым – если не считать того, что в десятке метров от Лени чернела прямоугольная задница автомобиля. На ней серебрилась трехлучевая мерседесовская звезда. Ниже звезды сияла надпись: «Brabus».

«Мерседес»? Джип? «Брабус»?.. – заметались панические мысли. – Боже, скажи мне, что это не я!.. Боже, скажи мне, что я тут ни при чем!..»

Из черного автомобиля никто не вылезал. Он казался беспилотным кораблем-призраком. Он чернел в ночи безмолвно и грозно. Видимых повреждений на корме «Брабуса» не наблюдалось.

Леня продолжал сидеть в водительском кресле. Мелькнула мысль: «Сейчас бы дать по газам, умчаться, убежать...» – но... Но воля, мысли, ноги и руки, кажется, отказали ему.

Тут раскрылись обе дверцы черного «Брабуса». Вовсе он не был беспилотным, этот грозный корабль-призрак.

С высоких подножек джипа прыгнули двое мужчин. Оба не торопясь направились к Лениной «девятке». На минуту ему показалось, будто он видит кошмарный сон: что-то ужасное неотвратимо надвигается на него – но у него нет сил, чтобы убежать или пошевелиться. Или – проснуться...

Мужчины из «Брабуса» не спеша надвигались на Леню. Он хорошо видел их в молочном свете придорожных фонарей. Они шли посередине пустого ночного перекрестка. Оба черные, небритые, с невозмутимыми восточными лицами. Оба в кожаных куртках нараспашку, в спортивных штанах и черных ботинках.

Леня даже не сделал попытки выйти из машины. Убежать. Или хотя бы заблокировать дверь «девятки». Мужчины надвигались на него неотвратимо – словно сама смерть.

Они подошли к Ленкиной машине.

Один с силой распахнул водительскую дверцу.

Леня почувствовал его запах: несвежий, прогорклый, словно горелое масло. Глаза восточного мужчины впились ему прямо в лицо. Смуглая небритая физиономия ничего не выражала. «Может, пронесет?» – мелькнула в голове Лени трусливая спасительная мысль.

– Малчишка, – с сильным южным акцентом констатировал мужчина. – Щ-щэнок. – Он схватил Леню цепкой лапой за воротник куртки. – Я твою маму драл, чтоб ты так ездил!

Резким рывком он за шкирку выдернул парня из-за руля. Тот даже не пытался сопротивляться.

Он оказался у капота нос к носу с обоими мужчинами.

Первый что-то коротко спросил у второго на гортанном восточном наречии. Второй ответил. Затем достал из-за пазухи маленький серебристый телефон и принялся тыкать в кнопочки корявыми пальцами. Первый продолжал не мигая рассматривать лицо Лени – тот храбро попытался выдержать его свинцовый непроницаемый взгляд. Не сумел, отвел глаза. И тогда восточный мужчина неожиданно, без замаха, ударил Леню по щеке.

Голова Лени дернулась, в мозгу зашумело. Хачик несильно, но прицельно снова ударил его по лицу – теперь прямо по брови. На щеку мгновенно хлынула кровь. Леня отстранился, испуганно закрылся рукой.

– Еще? – спокойно, с сильным акцентом спросил кавказец.

– Хватит, – слабодушно прохрипел Ленечка.

– Ты, малыщик, еще не знаешь, что значит «хватит», – спокойно произнес восточный человек и ослабился. Рот его был полон золотых зубов.

Его напарник что-то говорил в телефон – по-русски, но так тихо, что Леня смог только разобрать слова: «ГИБДД, да... Малец, я его маму в рот... Перекресток...»

– Ты у меня еще будешь дэнги платить, – спокойно и без угрозы сказал первый. – Сейчас ГИБДД приедет.

Кровь из разбитой брови струилась по Лениной щеке и заливала глаз. В голове шумело. Тоскливое спокойствие, отчаяние и беспредельная тоска затопили его изнутри. Захотелось исчезнуть. Оказаться где-нибудь далеко-далеко.

Леня автоматически вытащил из кармана джинсов заботливо наглаженный мамой платок и стал утирать кровь, заливавшую лицо.

Павел Синичкин

Частным детективам нельзя жениться.

Как, впрочем, и любым нормальным мужикам.

Даже гражданский брак вносит в жизнь мужчины массу непредвиденных сложностей и неудобств.

Об этом я думал, когда телефонный звонок разбудил меня в половине седьмого утра. Звонила моя невенчанная, гражданская супруга Катерина. Катя Калашникова. Кандидат филологических наук. Доцент Лингвистической академии. Интеллектуалка и красотка тридцати с чем-то лет от роду.

Ко всем бесспорным достоинствам Екатерины добавлялся один определенный недостаток. У нее было слишком много друзей и родственников. И в их судьбах она (на мой взгляд) принимала чрезмерно большое участие.

Я встал с постели и поплелся в душ, проклиная всех родичей Екатерины Калашниковой, вместе взятых.

Душ в половине седьмого утра – в ту жаркую пору, когда в доме отключили горячую воду, – сомнительное удовольствие.

К тому же в ванной я затеял ремонт. Сооружал навесные потолки с точечными светильниками. По этому случаю привычного света в санузле не было. С наполовину готового потолка свисали провода. Для временного освещения я приспособил настольную лампу (помнится, с ее помощью меня когда-то пытали люди одного полукриминального олигарха). Лампа после того эпизода осталась жива и здорова (в отличие от тех, кто пытал). Теперь она размещалась на кафельном полу в санузле. Ее свет отбрасывал мефистофельские тени.

Я мок под старой коммунальной лейкой. У меня было предчувствие, что после сегодняшнего звонка я не скоро вернусь к мирному навешиванию потолков.

Черт бы побрал Катерину, ее родственников, ее сестру и ее бестолкового племянника!

С Катей Калашниковой наши отношения зашли столь далеко, что я держал свой запасной «Жиллетт» на полочке ее ванной в Петровско-Разумовском переулке. Она хранила свою зубную щетку и свой халатик в моей квартире на Большой Дмитровке.

Однако мы далеко не каждую ночь проводили вместе. Но в то же время Екатерина посчитала уместным поднять меня на рассвете – в тот момент, когда ее племянник попал в беду.

Растираясь полотенцем, я вышел на кухню с видом на Генеральную прокуратуру. Кухня недавно перестала быть коммунальной. Теперь я стал ее единоличным хозяином. Сквозь пыльные оконные стекла кое-где пролегли разводы свежей белой краски. Позавчера я побелил на кухне потолок. Сегодня Катя Калашникова обещала приехать и помыть окна и пол. Похоже, уборка не состоится.

Большая Дмитровка сквозь полубеленные окна выглядела пустынной.

Я бухнул три ложки растворимого кофе в кружку с выцветшей гравировкой «Павлу Синичкину за отличную службу». Чайник вскипел, и я налил кипятка, положил сахару.

Великолепное начало. Веселящий напиток, семь утра, позлащенная солнцем Дмитровка, июнь.

И срочное личное дело, за которое я, конечно же, не получу ни копейки.

А пулю в лоб, похоже, – могу.

Катя Калашникова.

В то же самое время

«Все-таки грош цена *женским решениям*», – самокритично думала Катя Калашникова, щелкая центральным замком своего «фиатика» «Пунто».

Бригада дворников уже бодро подметала тополиный пух и мусор и с удивлением поглядывала на молодую женщину за рулем маленькой иномарки. Наверно, принимали Катюшу за важную бизнес-леди, спешащую с утра пораньше в навороченный офис. Эх, если бы...

Катя тронула «Пунто», поддала газку. Мимо Петровского замка она выехала на Ленинградский проспект и повернула направо, в сторону от центра. Она давно вычислила, что от одного окраинного района Москвы до другого удобнее всего добираться не напрямую, через центр, а круглым путем, по Кольцевой.

«Да-а, вот, значит, я и приняла решение... – иронизировала над собой Катя. – Называется, созрела... Решила твердо и навсегда. «Навсегда» продолжалось ровно шесть часов...»

Кандидат филологических наук Екатерина Калашникова вчера наконец определилась: во-первых, она вплотную займется докторской диссертацией. Завкафедрой уже все уши прожужжал: хватит, мол, в кандидатах ходить, голова у тебя светлая, да и возраст позволяет выйти с защитой на ученый совет. (На факультете существовало негласное правило: валить докторские у тех соискателей, кому еще не исполнилось тридцати.)

Кроме того, вчера Катя решила плавненько сворачивать отношения с частным детективом Пашей Синичкиным. С одной стороны, он классный парень. Сильный, надежный и красивый. Но... Никогда с этими мужиками не обходится без «но»... Слишком уж Паша простой. Без изюминки. Не считать же изюминкой зеленый пояс по карате и первый разряд по самбо.

А вот с чердаком у Паши проблемы. Ментовский менталитет. Бум, хрясь, боевики по виду... Надоело, когда человек знает про Рэмбо, но никогда даже не слышивал об Артуре Рембо.

Вчера оба решения – сворачивать роман с Пашей и браться за докторскую – казались простыми, естественными и жизненно необходимыми. Но сегодня утром стало ясно: простых

решений не бывает. Кате придется повременить. И с докторской, и с расставанием с Пашей Синичкиным.

«Нехорошо как. – Она даже покраснела. Или просто жарко в салоне? – Пока все было в порядке, я Пашу решила бросить... А случилась беда – и кому я позвонила первому? Именно ему, Павлу Синичкину, позвонила...»

Но кому еще, спрашивается, она могла позвонить в такой ситуации?

Мысли перенеслись на племянника, виновника ее непоследовательности. Нет, право слово, лучше бы дети вовсе не росли. Лучше бы Ленчик до сих пор оставался крохой.

Катя вспомнила те времена, когда старшая сестра Дашка просила забрать Ленчика из детского садика и посидеть с ним – пока та в очередной раз устраивала свою личную жизнь... Катя тогда злилась, что с малышом хлопотно: то описается, то кашу есть не желает... Да, хлопотно... Но какая это мелочь по сравнению с сегодняшними хлопотами!

Паша Синичкин.

В то же самое время

В восемь тридцать пять утра я уже подрулил к брежневской унылой девятиэтажке на окраине Москвы. Здесь проживала родная сестра моей Екатерины – Даша. Плюс ее сын – Ленчик. Катерины, значит, непутевый племянник.

Вход в подъезд ограничивала стальная дверь. Я набрал на домофоне номер квартиры. Через домофон откликнулся усталый Дашин голос. Похоже, здесь не ложились всю ночь.

– Это Паша Синичкин, – браво сказал я.

– Да, да, открываю, – поспешно и умученно произнесла Даша.

Даша, старшая Катина сестра, всегда была мне симпатична. Несмотря на то что мы с ней виделись два с половиной раза. Женщина она веселая, общительная. Радужная. Улыбалась в тридцать два зуба. Каждой твоей шутке готова рассмеяться. Даже анекдоту, которому исполнилось уже лет сто. На домашних празднествах с ней никогда не тягостно.

Кстати, гостей она принимала в соответствии с принципом: «Что ни есть в печи, все на стол мечи». Если делает Дарья для родственников винегрет – то это целая бадья! Пирожков с капустой – штук двести. Гора салата «Оливье». Селедка под шубой на огромном блюде...

Настоящая русачка. Дарью я из всей Катиной родни любил более всех.

В лифте по мере приближения к ее квартире у меня, словно у собачки Павлова, стала выделяться слюна. Условный рефлекс. Плюс к тому: во рту с утра, кроме ударной дозы кофе, ни крошки не было. Пусто в моем холодильнике.

Моя Катка в отличие от сестры своей Дарьи готовить не любит и не умеет. Продуктовых запасов не делает. Ни у себя в квартире, ни тем более у меня.

Сегодня из-за Дашиних дверей, естественно, пирогами не пахло. Да и прибыл я к ней отнюдь не на семейный обед. Даша открыла мне в халатике. Глаза заплаканы. Сейчас, когда она не старалась прихорошиться, стало очевидно: она много старше младшей сестры – моей Екатерины. Яркий свет июньского утра безжалостно демонстрировал ее настоящий возраст: под сорок.

– А, вот и Пашенька, – безжизненным голосом проговорила она и на секунду доверчиво прильнула к моему плечу.

Таким жестом приветствуют обычно дальних родственников, прибывших на поминки.

До поминок дело пока не дошло. Меня и призвали сюда для того, чтобы до них не дошло.

– Где больной? – преувеличенно бодрым голосом попытался пошутить я, пародируя старого доброго участкового врача, доктора Айболита.

– В своей комнате, – откликнулась Даша.

– Спит?

Она пожала плечами:

– Наверно.

Мы по-прежнему торчали с Дашей в прихожей. Прихожая у Коноплевых была такая маленькая, что мы в ней вдвоем едва помещались.

– Как Ленька? В порядке?

– Здоровье – в порядке, – безучастно ответила Даша. – Везла его в травмпункт. Рану ему промыли. Говорят, сотрясения мозга нет.

Я повесил куртку на вешалку.

– Ну и слава богу. Шрамы украшают мужчину. А Катя уже приехала?

– В дороге. Звонила из машины со своей мобилы. Будет у нас минут через пять.

Леня Коноплев.

В то же самое время

Леня лежал в своей комнате, положив на голову подушку. На уши он надел наушники от си-ди-плейера. Солнечный Боб Марли звучал сейчас черно-печально.

Сказать, что Ленчик был подавлен, – значило ничего не сказать. Первый острый приступ горя, обиды и боли уже прошел. Теперь в его душе царила безмерная безрадостная тоска.

«Господи, оказывается, ты никогда не замечаешь, когда бываешь счастлив... – думал Ленчик в жесточайшем приступе меланхолии. – Живешь себе в этом счастье, как рыбка в аквариуме... Купаешься в нем... Словно какая-нибудь скалярия или гуппи, не замечаешь водички вокруг себя. Не замечаешь до тех пор, пока кто-то (я бы сказал бог, но в бога я не верю) не разбивает вдребезги твой аквариум. И ты, несчастный лузер¹, барахтаешься в жалких лужах. Глотаешь воздух ртом и жабрами.

Вот и я... Кем я был всего несколько часов назад?..

Красивый девятнадцатилетний студент. Второкурсник. У меня была девушка. У меня были друзья. У меня была машина – пусть старая, но вполне приличная «девятка». У меня была мама. И квартира. И мечтал я, жалкий человек, накопить к Новому году денег, чтобы завестись вместе с Машкой куда-нибудь в Европу – причем лучше не в банальную Прагу, а в пижонский Лондон...

А теперь? Какой теперь мне Лондон?! Господи, лучше б я умер... Или заболел. Неизлечимо. Лейкемией. Чтобы умереть через пару недель, а меня бы все пока жалели...»

Но Леня не мог по своему желанию заболеть, умереть или впасть в летаргический сон... Приходилось жить – а жить не хотелось.

Леня понимал: надо уцепиться за какое-то иное чувство, чтобы с его помощью выкарабкаться из своей глубочайшей мерехлюндии. Как герой боевика выкарабкивается из пропасти, ухватившись за камень, за засохший саксаул. Но за какое чувство он мог ухватиться? На что опереться?

Любовь к Машке?.. «Но Машка, – думал он в приступе самоуничижения (думал скорей всего несправедливо, однако находил в своих мыслях некий мазохистский кайф), – она вряд ли теперь будет любить меня... Меня, ничтожного лузера, налетевшего на бабки... Меня – практически нищего...»

¹ Лузер – неудачник (от английского loser).

Любовь к родителям? К маме? К тетке? «Но они, – мысленно восклицал Ленчик (опять-таки по-юношески преувеличивая и извращая отношение к нему других), – они должны ненавидеть и презирать меня. Ведь это я – я, придурок! – посадил их на бабки. На большие бабки...»

Леня рылся в себе в поисках хоть какого-нибудь позитивного чувства. Чувства, что заставило бы его встать с кровати. Встать и выйти к приехавшим (как он слышал) дяде Паше Синичкину и тетке Катерине. Встать – и начать жить и действовать. И вдруг... Вдруг Леня ощутил в себе одно чувство, которое вроде бы оказалось сильнее депрессии.

И чувство это звалось злость. Злость – и жгучая обида. Злость – и ненависть. Ненависть – и желание отомстить.

До сегодняшней ночи никто и никогда из взрослых не бил его по лицу. *Никто и никогда.* Никто *простоне смел* этого делать.

А вот вонючие, грязные кавказцы – посмели.

И он – он ничего не мог с ними сделать.

Он им даже не ответил – хотя силушкой его бог не обидел. Он был тогда, после аварии, слишком опарашен. Слишком чувствовал собственную вину. «Проклятый интеллигент. Хлюпик!»

Но теперь... Теперь руки его сжимались в кулаки.

Его унизили. Они оскорбили его. Они издевались над ним.

Если бы у него был пистолет... Если бы у него был пистолет – он взял бы его, нашел их и расстрелял. Он выпустил бы в них всю обойму!

Он ненавидел их. Если б у него был пистолет!..

Но ведь пистолет *можно достать*, правда?

Достать пистолет, найти кавказцев – и *сделать это*? Взять – и отомстить им? Месть ведь необязательно настигает обидчика сразу.

Ненависть и мысли о мести словно подбросили Ленчика на кушетке. Он встал и зашагал по своей крошечной комнатке. Руки его сжимались в кулаки. Ногти впивались в ладони.

Мысли о мести оказались сильнее, чем отчаяние. И слава богу.

Катя Калашникова.

В то же самое время

Ленька рос на удивление *беспроblemным* ребенком.

Все раннее детство просидел с книжками, а старшие классы – за компьютером. Никаких тебе драк и прочих асоциальных поступков. Единственное правонарушение зафиксировано в пятилетнем возрасте: засунул в аквариум включенную лампу. Хотел согреть рыбок.

Даша гордилась своим правильным сыном, а Катя, бывало, грешным делом думала: «Парень еще нам покажет, когда станет постарше». Однако Ленчик счастливо миновал и лазанье по крышам, «тарзанкам» и подвалам (в младших классах), и эксперименты с пивом, портвейном, сигаретами и клеем (в переходном возрасте). Даже в институт – в Бауманский, по-прежнему слегка престижный, – поступил с первой попытки.

Ленчик только сейчас показал, на что способен. Зато как показал!

Катя оставила свой «Пунто» подле израненной Ленькиной «девятки». Прежде чем подняться в квартиру, она осмотрела машинные повреждения. Крыло помято, зад продавлен, бампер полуоторван. Смотрится страшненько, но несмертельно. Любой жестянщик из полуподпольного сервиса выправит, отрихтует и покрасит сотни за три долларов.

А сколько стоит выправить жестянку у «Мерседеса Брабус»?! В животе заглохло, Катя поехала. Если считать *по-честному*, то ремонт новой иномарки встанет тысяч в пять долларов. Только Катя еще ни разу не встречала за рулями «Брабусов» и всяких прочих «Ягуаров» *честных* людей. Людей, *считающих по-честному*.

Протаранил бандитскую машину – получай бандитский расчет, без судов, следствий и справедливости.

Катя отперла дверь в квартиру сестры своим ключом. В коридоре ее никто не встречал. Настроение, царящее в доме Коноплевых, напоминало атмосферу у кабинета районного дантиста. В рядах «пациентов» царило уныние. Заплаканная, перепуганная Даша. Насупившийся Ленчик – глаза обведены черными кружками. Один Паша Синичкин старался выглядеть смелым и бесшабашным. Но Катя устремила на него пронизывающий взгляд и поняла, что даже тот слегка растерян.

– Кофе? – очнулась от прострации-фрустрации и выдавила слабую улыбку Даша.

Катя молча кивнула. Она не могла отвести глаз от Ленчика. Горло перехватило жестким комком. Она и подумать не могла, что парень способен на *такое* отчаяние и такую безысходность, которые прочла в его взгляде.

– Эй, Ленька! Жизнь продолжается, – преувеличенно бодро сказала Катя.

– Вот и я говорю, – поспешно и неубедительно подхватила Даша.

Ленчик не ответил. Он сидел, вжавшись в стул. Скрюченный, будто промерзший воробушек. Глаза – пустые.словно жестокий врач ему только что объявил: все, парень, твоя жизнь кончена.

Катя с трудом отвела глаза от жалкой фигурки. Интуитивно она чувствовала – *прилюдно* жалеть Леню сейчас не время.

– Твоя «девятка» была застрахована по гражданской ответственности? – требовательно спросила Катя у сестры.

Даша отвела глаза:

– Нет.

– Но почему?!

Даша не ответила.

– Девочки, сейчас не время разбираться, – примирительно произнес Паша.

– Кто они? – жестко спросила Катя. – Те, кто в Ленчика въехал?

– Бандиты, – всхлинула сестра.

От маминых слез Ленчик вздрогнул и сжался еще больше.

Павел метнул на Дарью укоризненный взгляд и спокойно ответил:

– Их было двое. Мужчины, лет по тридцать пять – сорок. Восточной внешности.

– Чурки, – еле слышно пробурчал Ленчик.

– А подробнее? – потребовала Катя. Вопрос прозвучал крикливо, резко. – Паша, ты узнал, кто хозяин машины?

Сестра подняла на нее заплаканные глаза, проговорила еле слышно:

– Катюша, потише.

Паша поморщился, но спокойно ответил:

– Сейчас узнаем. Я уже сделал запрос.

– Ну да, у тебя же с работниками ГИБДД – *особые отношения*, – едко сказала Катя.

Синичкин спокойно парировал:

– Можешь узнавать сама. По официальным каналам.

Катя знала: в ГИБДД у Паши имелаась пассия по имени Любочка. Калашникова никогда с ней не встречалась, но заочно ненавидела. Знаем мы этих милицейских тетечек: губки бантиком и ушки на макушке. Однако Кате приходилось мириться с существованием Любы. И даже однажды возвращать с ее помощью права, изъятые злобным гаишником.

– А вдруг их машина – краденая? – с надеждой прошептал Ленчик.
Ответа он не дождался.
В кармане у Паши затренькал мобильный. Синичкин поспешно нажал на кнопку приема:
– Да, привет еще раз, Любаня.
Даша успокаивающе погладила Катю по руке.
Паша между тем жестом потребовал бумагу и ручку.
– Так, пишу. Прошлогодний? Плохо. Как, еще раз? Блин, язык сломалась. Записал. Москвич? Записываю. А, и протокол уже есть? И что там? Так, интересно. Спасибо, солнышко.
Паша покосился на Катю и добавил:
– С меня – тысяча тюльпанов.
Видно, на другом конце провода потребовали в придачу к тюльпанам чего-то еще, потому что Павел метнул на Катю смущенный взгляд и пробормотал:
– И тысячу поцелуев – тоже.
Катя демонстративно отвернулась к окну. Паша отложил телефон и сообщил:
– Новости неважные. «Брабус» – новые. Только что прибыл из Германии. Месяц назад на учет поставили. Машина – «чистая», в розыске не числится.
– Сколько он стоит? – выдохнул Ленчик.
Паша сочувственно взглянул на него. Неуверенно предположил:
– Тысяч пятьдесят?
– Больше. Семьдесят или восемьдесят, – отрезала Катя.
Паша продолжил:
– Хозяин у «Брабуса» человек серьезный. – Паша заглянул в свою шпаргалку: – Каримов Нарим Суменович, проживает в Москве. Где-то я уже слышал эту фамилию. – Он обратился к Ленчику: – Ты гибэдэдэшный протокол читал?
– Н-нет, – неуверенно пробормотал тот.
– А чего ж тогда подписывал?! – ласково спросил Павел. Он отвернулся от Лени, махнул рукой. Объяснил Даше и Кате: – Там, в протоколе, – полный набор. Превышение скорости более чем на тридцать км/ч в час, проезд на запрещающий сигнал светофора. Даже алкогольное опьянение. Ты чего, Лен, вправду пьяный, что ли, был?
– Да вы что, дядь Паш! – возмутился Ленчик.
– А в трубку ментам дышал?
– Не было никакой трубки...
– Только в протоколе записано по-другому. А ты, между прочим, с протоколом ознакомлен и согласен. В чем и расписался...
– Но ведь это же подло! – выкрикнул Ленчик. Он вскочил – волосы встрепаны, зрачки расширены.
– Леня, сядь, – устало и неожиданно спокойно велела Даша.
Ленчик послушно опустился на стул.
– Как ты такую бодягу-то подписал? – повторил Павел.
– Протокол, протокол мне принес этот хачик, – прошептал Леня. – Сказал: не подпишу – зарежет.
– Сволочи! – вырвалось у Кати.
– Обычное дело, – хмуро пробурчал Паша. – Гибэдэдэшники такую писульку баксов за двести живо состреляют.
Ленчик поднял глаза:
– Гибэдэдэшники мои права даже и не смотрели. Все документы – остались у тех... у лиц кавказской национальности...
– Та-ак, – протянул Паша. – А расписку ты им писал?
Леня втянул голову в плечи.

«Почему мне раньше казалось, что Ленчик – красивый? Цыпленок, настоящий цыпленок...» – отстраненно подумала о племяннике Катя.

– Писал... – понуро пробормотал Ленчик.

– На сколько?

– На тридцать тысяч. Долларов... – выдохнул Леня.

Даша со звоном отодвинула чашку с так и не выпитым кофе. Охнула. Закрыла лицо руками.

И в этот момент зазвонил телефон. Даша машинально потянулась к трубке, но Павел перехватил ее руку и ответил сам:

– Да. Слушаю вас внимательно. Алейкум салам. Вам Коноплева?.. Я за него. Подъехать? Что ж, можно и подъехать. Куда? На сервис?

Синичкин принялся записывать адрес – на той же бумажке, где уже имелись данные по хозяину «Брабуса». Под конец разговора гаркнул в трубку:

– А вот понты, дядя, оставь для пацанов!

Катя, Даша и Ленчик наблюдали за ним. Даша смотрела с надеждой, Катя – почти с восхищением. Паше *или* самоуверенность и резкость. «В бандитской компании он будет смотреться своим, – подумала Катя. – Ну, или почти своим».

Синичкин положил трубку, откинулся на кухонном диванчике.

– Это были они? – спросила Даша.

Паша коротко кивнул.

– Они угрожали? – Голос Дарьи сорвался.

– Да нет, – уверенно ответил Паша. И объяснил: – Обычное дело. Нужно подъехать, посмотреть «Брабус». Он стоит в автосервисе. Заодно – поторгуюсь. Обговорю сроки.

Даша воскликнула:

– Паша! Тебе нельзя туда ехать!

– Почему? – не понял Павел.

– Ну ведь это же бандиты! И ты поедешь к ним один?! Я тебя не отпущу!

– Даша, ничего со мной не будет! Это *обычный* автосервис. И такие *стрелки* – тоже обычное дело, – пояснил Синичкин.

Катя возмущенно сказала:

– Послушай, я чего-то не понимаю. Мы что, собираемся им платить?

Синичкин мягко поинтересовался:

– У тебя есть другие идеи?

– Есть, – резко сказала она. – Послать их подальше, а на долбаный сервис наслать ОМОН.

– И что дальше? – спокойно спросил Паша.

Катя горячо сказала:

– Пусть их всех заметут. Это же вымогательство! А у тебя такие мощные связи! И в милиции, и в РУБОПе...

– Катя, их «Брабус» – *чистый*. Неворованный. Его хозяин – гражданин России. Преступлений не совершал. В розыске не числится. Протокол составлен. Виновник аварии – Леня. За что *их* заметить? – терпеливо, преувеличенно спокойно произнес Паша.

– Но не платить же в самом деле тридцать штук «зеленых»? – воскликнула она. – У нас и нет столько!

– Платить нам все равно придется, – отрезал Синичкин. – Я съезжу на эту их стрелку. Поговорю. Постараюсь скостить сумму, насколько смогу.

– Но ведь они же бандиты!

– Бандиты. Но пока этого никто не доказал.

Леня Коноплев.

В то же самое время

До чего тяжело, когда все тебя презирают. Даже мама не выдержала, сорвалась, приказала:

– Иди, Ленчик, к себе.

Но дядя Паша Синичкин придержал Леню. Отвел в коридор, обнял за плечи.

– Ленчик, говорят, ты у нас что-то типа хакера?

– Ну.

– Знаешь, есть такое компьютерное досье – называется «Ирбис». В нем содержатся данные на все организованные преступные группы...

– Ну?

– Не нукай... В открытом доступе в Интернете его, конечно, нет... Но! Нехорошие люди диск с этим досье продают. Даже на «Горбушке». За сто пятьдесят – двести пятьдесят «зеленых»... А раз досье продается, значит, у кого-то в более-менее открытом доступе оно есть... Сечешь фишку?

– Ну.

– Давай займись делом. Найдешь в сети досье – поищи в нем своих обидчиков. Каримова этого, Нарима Суреновича. Почему-то мне кажется, что его фамилия имеется в досье на организованные преступные группировки. Очень уж у него тачила крутая.

– Ну.

– Давай включай свой «Пи-си-ай-ти с любой периферией...».

– Между прочим, у меня четвертый «пентюх», – ухмыльнулся Ленчик.

– Тем более. Считай, что ты пошел в разведку. С'мон², как говорится, с'мон. Давай, брат. Мочи их, брат.

Ленчик улыбнулся. В первый раз за сегодняшнее утро.

Дело говорит дядя Паша. Иногда он бывает на удивление разумным. Ленчик вошел в свою комнату. Бросился к столу. Включил свой обожаемый «пень-четыре». В голове уже забрезжило нечто вроде плана: с кем в I-net'e початиться, у кого пробить про эту программу «Ирбис». Жаль только, что сейчас, в чертову рань, девять из десяти его сетевых френдов спят, как сурки...

«Все равно хорошо, – подумалось Ленчику, – что Паша занял меня этим делом... Найду, не найду – хоть согреюсь...»

Больше всего Ленчика до сих пор бесило, что, получается, в данной ситуации он полностью зависит от старших. Противно. Сидишь, как debil, и ждешь, чего они там наreshают. А его мнения даже никто и не спросил, будто он не живой человек, а так, пустое место. Мама с теткой и дядей Пашей плотно угнездились на кухне. Обсуждают, где доставать деньги. Деньги, чтобы платить бандитам.

Деньги, на которые он, Ленчик, их всех, выходит, и посадил... Эх, шваркнуть бы им на стол эти тридцать косых. Сказать: «Мерси за внимание, но проблему я уже решил сам».

Но только чего зря фантазировать. Тридцати штук ему не достать. Никогда и нигде.

И еще, еще. Вот что обидней всего.

² С'мон (comeon) – давай (англ.).

Ленчик понял, что он – самый настоящий трус. Что он – *испугался*. И в приступе позорного, нерассуждающего страха сделал абсолютно все, что от него потребовали бандюганы. Отдать права? Пожалуйста. Подписать протокол? Сколько угодно. Выдать расписку? Сколько бы вы хотели? Тридцать тысяч долларов? Будьте любезны, получите. «Чмо, последнее чмо», – костерил он себя.

И тут позвонила Машка.

Очень кстати. Еще вчера – да что там вчера, еще несколько часов назад! – ее любовь казалась ему самой важной вещью в мире. А сейчас, когда Манюня бодрым голосом пожелала доброго утра, он ответил сквозь зубы:

– Я занят. Перезвоню тебе позже.

Сейчас Машка обидится, повесит трубку. Отстанет.

Но она не обиделась. Просто не поняла, удивленно переспросила:

– Ты еще дрыхнешь, что ли?

Ленчик не удержал нервический смех:

– Ага. Спокойной ночи!

«Все, Машка, нам с тобой больше не по пути. Ты – красивая, сытая, благополучная. Твой папа ежемесячно выдает тебе двести баксов «на мороженое». У тебя все легко, беззаботно и просто. Тебе не нужен такой бойфренд, как я».

– Ленчик, что случилось? – тревожно спросила Маша.

Он не хотел объяснять ей, что случилось. Для него настало время не объяснять, а просто тихо и незаметно исчезнуть из ее жизни.

Параллельно разговору Ленчик вышел в Сеть – какая все-таки прелесть *выделенка*³: пусть даже не личная, а одна на весь подъезд.

– Ле-ня! – требовательно сказала Манюня. – Что случилось? Я жду!

«Ах, ты ждешь! Ты хочешь разбавить яркое летнее утро леденящими кровь новостями!»

– Да так, ничего особенного. Вчера ночью я впилился в «Мерседес Брабус».

Машка расхохоталась:

– Всего-то?

– Они требуют тридцать штук баксов на мелкий ремонт.

– Ух, Ленька! – с придыханием произнесла она. – Какой ты все-таки комик! Переводись в клоунское училище!

– Только туда мне и остается. Особенно если учесть, что я *правда* впилился в «Брабус».

– Да ладно, – недоверчиво протянула она. – И где же?

– На углу Казанского шоссе и Молодежной. У церквушки.

– Нет! – Она крикнула так, что у Ленчика зазвенело в ушах. – Ты все врешь!

– Нет, Маха, не вру, – тяжело вздохнул он.

– Я сейчас приеду, – всполошилась она.

Когда-то Леня был готов отдать за это ее «сейчас приеду» всю свою стипендию со льготным проездным в придачу. Но сейчас, сейчас...

– Укради где-нибудь по пути тридцать штук. Баксов, – напутствовал ее он.

³ Выделенная линия для доступа в Интернет.

Павел Синичкин.

В то же самое время

Леня выглянул из своей комнаты значительно раньше, нежели я рассчитывал. Рожа у него выглядела не такой кислой, как полчаса назад. То ли трудотерапия оказала благотворное влияние. То ли его телефонный разговор (судя по доносившимся к нам на кухню репликам, с девчонкой).

Ленчик держал отпечатанные на принтере листочки. Он протянул их мне.

– Дядь Паш, кажется, это то, что вы просили, – пробормотал он. Выглядел он при этом вполне победительно.

Я взял листы и начал читать. Девочки мои с надеждой замолкли, словно Ленчик принес чековую книжку на тридцать косых «зеленых».

– Эти хачики называются хозарами, – во всеуслышание пояснил наш герой дня.

«Хозарская объединенная преступная группировка, – я принялся просматривать Ленкины листы, – или, далее, хозарская ОПГ (ХОПГ), сложилась в г. Москве в конце 80х – начале 90х годов.

***Состав, лидеры.** ХОПГ насчитывает около 50 человек. Организована по жесткому этническому и религиозному принципу: группировка включает в себя исключительно выходцев с Северного Кавказа – из древнего племени хозар, ныне исповедующих ислам. Во главе группировки стоит так называемый «хакан» (как его называют сами хозары), или «царь». В настоящее время хаканом (т. е. главарем хозарской преступной группировки) является КАРИМОВ СУРЕН АХМЕД-ОГЛЫ (СУРЕН). Его заместителями, или, как их называют сами хозары, «тудунами» (от древнехозарского «тудун» – «наместник»), в данное время являются двое сыновей КАРИМОВА: КАРИМОВ У. С. (УСЛАН) и КАРИМОВ Н. С. (ЧЕРНЫЙ)...*

Две последние фамилии в тексте оказались выделенными жирным шрифтом.

– Это он, – прошептал следивший за мной через плечо Ленчик.

– Я догадался, – буркнул я и продолжил читать справку: – «... Третьим тудуном является двоюродный брат последних (племянник хакана КАРИМОВА) – БАНДАРОВ У. С. (БЕНДЕР). Четверо вышеупомянутых граждан являются фактическими руководителями ХОПГ в г. Москве.

***Организация.** Хозары, занятые в г. Москве преступным бизнесом, называют себя «белыми хозарами» (то есть в их собственном понимании аристократами). На территории г. Москвы проживают также так называемые «черные хозары». Как правило, они селятся в г. Москве без регистрации. «Черные хозары» не заняты в криминальном бизнесе и в основной своей массе законопослушны.*

Представители хозарской ОПГ («белые хозары») стараются активно вовлекать в бизнес, контролируемый ими на территории г. Москвы, своих соплеменников из числа «черных хозар». Вследствие главным образом усилий ХОПГ общая численность хозар, проживающих в столице, достигла в настоящее время, по разным оценкам, от 25 000 до 35 000 человек. Ежегодно

она увеличивается примерно на 3000—5000 человек – в основном за счет приезжающих из всех республик Северного Кавказа «черных хозар».

«Черные», то есть рядовые, хозары (не вовлеченные либо слабо вовлеченные в преступный бизнес), как правило, заняты мелкооптовой и розничной торговлей на контролируемых ХОПГ рынках; кроме того, они работают в магазинах, на заправках, автосервисах и на др. работах, не требующих высокого образовательного уровня и хорошего знания русского языка. «Черные хозары», осевшие в г. Москве и занятые легальной или полуправовой работой, обязаны ежемесячно выплачивать «белым хозарам» (т. е. ХОПГ) так называемый ясак, или оброк.

Ясак зависит от доходов каждого конкретного работника хозарской национальности, при этом он в любом случае не опускается ниже 15 процентов от суммы дохода рядового хозара – а порой достигает 60 процентов. Поступления в ясак жестко контролируются рядовыми «белыми хозарами», а на более высоком уровне – тудунами (наместниками) – то есть братьями КАРИМОВЫМИ и БАНДАРОВЫМ, а также самим хаканом – то есть царем, главарем ХОПГ КАРИМОВЫМ (СУРЕНОМ).

Рядовые представители хозарской диаспоры («черные хозары») в г. Москве проживают обычно в арендованных квартирах – как правило, по 3–5 семей в двух- или трехкомнатной квартире».

– Предчувствия меня не обманули, – пробормотал я. – Они действительно бандиты.

Прочитанные листки я передавал Кате, а она их соответственно – Даше. Ленчик глазел в окно с отсутствующим видом – однако настроение его очевидно улучшилось.

Я продолжил чтение занимательного документа:

«Сфера интересов ХОПГ. В территориальном аспекте хозарская ОПГ контролирует в основном территорию на Юге, Юго-Востоке и Юго-Западе г. Москвы.

Под контролем хозарской ОПГ находятся: один из самых крупных в г. Москве колхозно-оптовых рынков у станции метро «Косинская»; расположенные в указанном районе крупные универмаги и универсамы – наиболее значительные среди них «Выхинский», «Восьмой океан», «Дары Рима». Кроме того, под контролем хозарской ОПГ находятся ночные клубы и дискотеки «Беременная парашютистка», «Степка Райзман», «Чертовы кулички» и казино «Золотая фишка». В данных ночных клубах и казино через членов ХОПГ и их агентов происходит распространение наркотиков. Кроме того, ХОПГ взимает дань с «работающих» в данных заведениях проституток.

ХОПГ контролирует в том числе сеть уличных проституток, базирующихся в основном в районе Казанского шоссе и Астраханского проспекта г. Москвы. Под контролем ХОПГ также состоит ряд бензозаправок, автомоек и автослесарных мастерских, расположенных в разных районах г. Москвы.

Хозарской ОПГ принадлежит ряд фирм и компаний, среди которых наиболее крупными являются «Принцесса», «Цвай» и «Синтез-метан», а среди кредитно-финансовых учреждений – банки «Трансконтинентальный» и «Кредит-Москва».

Через эти компании и банки проводится также отмывание наличных средств, поступающих от ее незаконной деятельности.

***Взаимоотношения с другими ОПГ.** Хозарская ОПГ в целом сохраняет автономию, однако по отдельным вопросам «бизнеса» представители ХОПГ сотрудничают с мусульманскими преступными группировками г. Москвы: ингушской, азербайджанской, чеченской. В данное время ХОПГ находится в отношениях дружественного нейтралитета с другими этническими преступными группировками: грузинской, ассирийской, армянской.*

Со славянскими ОПГ хозары в целом не имеют столкновения интересов. Исключение составляет ОПГ так называемых «воронцовских». Преступные интересы ХОПГ и воронцовских практически не пересекаются, однако, по оперативным данным, лидер воронцовских МАЛЫГИН П. А. (МАЛЫШ) неоднократно заявлял о необходимости начать боевые действия против хозар. Видимо, в основе его непримиримого отношения к хозарам лежат отношения личной неприязни. Однако менее радикальная часть влиятельных деятелей воронцовской ОПГ неизменно выступает против войны с хозарской ОПГ, и МАЛЫГИН в данной ситуации на сегодняшний день подчиняется большинству. Однако имеется вероятность, что в ближайшем будущем преступные интересы хозар и воронцовских придут в столкновение. В таком случае не исключено начало широкомасштабных боевых действий между двумя данными ОПГ».

Я закончил чтение этого в высшей степени интересного документа.

– Там и про другие ОПГ было, – пояснил Ленчик. – Я печатать не стал, но на всякий случай на свое железо эту информэмйшен скачал.

– Молодец, возьми с полки пирожок, – сказал я.

Даже от такой, весьма условной, похвалы бедный Ленчик зарделся.

Кажется, мне удалось развеять похоронное настроение, царившее в семействе Коноплевых-Калашниковых.

Явно повеселевший Ленчик спросил, обращаясь к маме:

– Я пойду пройдусь?

Леня Коноплев.

В то же самое время

Ленчик спустился во двор.

Возмутительно: солнце светило беспечно-ярко, будто ничего не случилось. Вокруг буйствовало лето. Горлопанили шальные от каникул дети, еще не вывезенные по бабушкам и лагерям. По асфальту сами с собой играли солнечные тени. «Такая красота – а я раньше не замечал этого!»

Напоминанием о ночном кошмаре стояла Ленчикова изувеченная «девятка». Подле нее крутился сосед с нижнего этажа, изучал повреждения.

– Здорово, Ленька! С кем поцеловался? – заорал он.

– С «копейкой» дорогу не поделили, – ответил Ленчик.

Не хватало, чтобы историю с «Брабусом» прознали во дворе.

Сосед хитро прищурился. Присел, провел пальцем по вмятине на крыле. Сказал ехидно:

– Хорошие нынче «копейки». Цвет – черный металлик.

Леня подошел поближе. На родной краске «девятки» действительно остались следы бусовского бампера. Он брезгливо смахнул чужую краску. Постарался, чтобы голос звучал спокойно:

– Во что только теперь «копейки» не красят. Я даже *серебристый* металлик видел.

– Ну, и как ты ее протаранил? Расскажи, Талалихин? – Сосед горел желанием услышать подробности чужого несчастья.

– Извини, брат. Спешу, – отделался от него Леня и быстро пошагал к метро.

Павел Синичкин.

В то же самое время

Даша вызвалась идти на стрелку с хозарами вместе со мной.

И ведь пошла, как мы ее ни отговаривали. В этом смысле Дарья похожа на сестру – мою гражданскую жену Екатерину: если что в головушку втемяшит – никак не выбьешь: ни добрым словом, ни злым.

Мы забили стрелку с хозарами в известном всему здешнему микрорайону автосервисе «Шумахер».

Не знаю, ведает ли чемпион мира в «Формуле-1» (равно как и его высокоскоростной брат) о том, что их имена беззастенчиво используются для хозарского автосервиса. Думаю, нет. Вряд ли братья Шумахеры дали бы «добро» на то, чтобы их звездная фамилия украшала столь сомнительное заведение.

Внешне автосервис имени Шумахера выглядел следующим образом: на задворках Москвы и улицы Касимовской, в обычном гаражном кооперативе, хозары огородили железными воротами восемь стандартных боксов – четыре с одной стороны, четыре напротив. Ржавая железная вывеска извещала косыми беломасляными буквами:

КУЗОВ

КОРБУРАТОР

ХОДАВАЯ ЧАСТ.

Рядом располагалась другая вывеска – на удивление добротная и грамотная:

Новейшая технология!

По английской лицензии!!!

«Прочь, царапины!»

Ремонт любых кузовных повреждений качественно и быстро!

Мы с Дарьей оставили мою «восьмерку» на улице. Вошли в гостеприимно распахнутые ворота. Автосервис имени Шумахера нас не заметил. Он жил своей собственной жизнью.

Во дворе меж гаражами стояли две полуразобранные «копейки». Слонялись в большом количестве без видимой цели перемазанные маслом чурки. Всюду – перемащенные детали и куски ветоши. Однако контрастом к сему в полутемной перспективе одного из боксов угады-

валась дорогушая аппаратура для компьютерной автодиагностики. Из другого – выглядывало тупо-хищное рыло джипа «Мерседес Брабус», цвета черный металлик.

Мы с Дашей сразу подошли к сему боксу. Наумены в грязных комбинезонах заинтересованно наблюдали за нами. Даже работу бросили.

– Надо, наверно, спросить? – робко прошептала Даша, держа меня под руку.

– Не надо, – одними губами произнес я. – Они сами подойдут. Когда будет нужно.

Не глядя на хачиков-работяг, я стал осматривать повреждения, которые джип «мерс» ухитрился получить в столкновении с Ленчиковой «девятиной».

Итак, раскололся бампер. Разбит правый подфарник. Раскоцана правая фара. Слегка *ушло* правое крыло. Вмятина на крышке капота. Вмятина на радиаторе – но радиатор не пробит, охлаждающая жидкость не вытекла.

На своей «восьмерочке» я бы сам ликвидировал следы подобной аварии за одну субботу. В крайнем случае – за субботу с воскресеньем. И обошлись бы мне оздоравливающие процедуры никак не дороже тысячи рублей. Со своей, конечно, работой.

Но здесь передо мной был «Мерседес». И не простой, а «Брабус».⁴

Однако даже для такой машины повреждения никак не тянули на тридцать тысяч долларов – тех, на которые Ленчик написал расписку.

Значит, расписку следует считать недействительной. Стало быть, будем торговаться.

В сей момент в поле моего зрения возникли исключительной красоты коричневые туфли из легкой телячьей кожи и идеальная стрелка на ослепительных брюках. Я поднял глаза. Передо мной стоял хозарин – ухмылялся белыми зубами. Хозарин, судя по одежке – исключительной, сшитой на заказ, причем, похоже, за границей, – принадлежал к числу «белых хозар». Скорее всего передо мной предстал собственной персоной Нарим Каримов, сын и тудун (то есть наместник) великого хозарского хакана. Он же – владелец данного джипа «Мерседес Брабус», госномер а77766 77RUS.

За спиной тудуна маячили еще двое хозар – весьма прилично одетых. А сзади к нам с Дашей подошли в качестве болельщиков с пяток замызганных ремонтников, явно принадлежавших к касте «черных хозар».

– Что, сам чинить хочешь, что твой малышик сделал? – выдержав паузу, спросил меня, ухмыльнувшись, гражданин Каримов-младший. Стоявшие позади меня замасленные «черные хозары» верноподданнически загыгкали. Гражданин Каримов-младший не отводил своего гипнотического взгляда от моих глаз.

– Давай, я почию, – улыбнулся я в ответ. – Для меня – это день работы.

Я выдержал его взгляд.

Массовка промасленных хозар за моей спиной негодуяще загудела.

– Эта машина называется «Брабус», мой дорогой, – улыбнулся мне в лицо тудун. – Это не твоя «восьмерка» четырехлетней давности.

Признаюсь: в какой-то момент я оторопел от того, что хачик точно назвал возраст моей машины. Лишь через секунду я сообразил, что разведка и контрразведка в организованной преступной группировке хозар поставлены не хуже, чем в нашей с Ленчиком частной интернетовской лавочке.

– Согласен, – сказал я, по-прежнему выдерживая немигающий взгляд наместника великого хакана. – Согласен, дорогой Нарим Суменович Каримов, по кличке Черный, тысяча девятьсот шестьдесят второго года рождения, дважды судимый, «законник» с девяносто второго года... Я с тобой согласен...

⁴ «Брабус» – тюнинг-ателье, которое улучшает и дополняет исключительно разнообразные модели «Мерседесов». В результате подобных «улучшений» и «дополнений» стоимость и без того недешевых «Мерседесов» вырастает в два, а то и в три раза.

Даша глянула на меня изумленно, толпа за моей спиной опять недовольно загудела – но, признаюсь, более всего мне понравилась реакция Черного. Лицо его, до того момента по-восточному бесстрастное, исказилось мгновенной гримасой злобы. Он отвел глаза.

– Да, это «Брабус»... – продолжил я. – Но разве починка стоит тридцать тысяч?

«Белый хозарин» тут же овладел собой. Сделал отстраняющий жест.

– Нет время с тобой говорить!.. Вот мой парень... – Он выдвинул из-за своей спины другого хорошо одетого хозарина, помоложе. – Он мой племянник. А я ему доверяю, как родному брату. Больше, чем родному брату. С ним будешь говорить!

И тудун Нарим Каримов прошел мимо нас с Дашей, словно нас и не существовало вовсе, к выходу из бокса. (Мы не посторонились.) Толпа замасленных хозар перед заместником подбостранно расступилась и закланялась ему вслед. Не оборачиваясь ни на кого, Каримов-младший пошел к выходу из автосервиса.

– Пройдемте в мой офис, – почти без акцента произнес хозарин, представленный нам тудуном Черным как племянник и человек, облеченный его «братским доверием».

* * *

В офисе хозарина, директора автосервиса «Шумахер», расположенном в крохотной кирпичной пристройке к железным гаражам, размещалась европейская мебель. От солнца спасали жалюзи на окнах. Без устали крутились три вентилятора. Мы втроем сели вокруг стола. Хозяин – на своей стороне черно-полированного квадрата, мы с Дашей – напротив. Хозяин подал мне визитную карточку. Мне одному. Он вел себя так, словно Даши в комнате не было. Он даже не игнорировал ее – просто не замечал. На карточке витиеватым золотым шрифтом значилось:

ЭЛЬШАД С. СУРЕНОВ

А далее:

АВТОСЕРВИС XXII ВЕКА

«ДОЛОЙ ЦАРАПИНЫ»

И три телефона, факс, и-мэйл. Все как у людей.

Я положил карточку Эльшада перед собой. После пары вежливых сетований на слишком жаркую погоду мы с ним начали торг.

Аргументами со стороны хозарина были крики: «Это «Брабус»!»; воздевания обеих рук к небу и восклицания: «Аллахом клянусь!»

Аргументами с моей стороны стали: во-первых, прайс-лист с ценами на запчасти к «Брабусу» (скачанный сегодня утром Ленчиком из Интернета).

(Реакция хачика на прайс была: «Что ты мне этот свой прайс-шмайс в нос суешь! У меня свой себе прайс!!»)

Следующим моим аргументом стало то, что я пообещал наслать на автосервис «Шумахер» налоговую полицию, пожарных, ОМОН, санэпидстанцию и даже Антимонопольный комитет (за использование без разрешения в качестве торговой марки фамилии «Шумахер»).

(Реакция чебурека: «Я у твоего ОМОНа-шмона, монопольного-фуюефольного комитета маму – извините меня, уважаемая присутствующая здесь дама, – маму в рот загребал!»)

Так мы упорно торговались ровно два часа. Цена все-таки последовательно ползла вниз: двадцать пять тысяч, двадцать три, двадцать... Даша сидела молча – как полагается примерной женщине, пока, так сказать, джигиты разговаривают. Однако, как ни странно, последнее слово осталось за ней. Когда цена остановилась на пятнадцати тысячах, но чебурек больше не хотел уступать ни пяди, она не выдержала. Вдруг вскочила. Гневно и презрительно выдала в лицо моему оппоненту:

– Молодой человек! Ведь вы – выходец с Кавказа! Я думала раньше, что все кавказцы – и ингуши, и грузины, и дагестанцы, и армяне, и азербайджанцы, и даже чеченцы... Я готова перечислять до бесконечности, потому что все люди с Кавказа – да, все-все-все! – отличаются исключительным вниманием и уважением к женщине. Неужели хозары не такие? Неужели хозарам уважение к женщине не свойственно? – Пока главарь автосервиса только лупал на нее глазками, Даша припечатала: – Почему же вы, здоровый, взрослый, полный сил мужчина, – вы хотите отобрать последнее у меня, у женщины? Из-за какой-то железяки – отобрать?! Мне надоело смотреть, как вы – кавказский вроде бы мужчина! – торгуетесь на глазах у женщины за каждую паршивую сотню долларов!.. Пошли, Паша!.. – скомандовала мне Дарья. Резко встала. И гневно бросила, обращаясь ко мне и полностью игнорируя владельца автосервиса: – Он получит все, что хочет!..

Мы пошли к выходу из кабинета. Уже в дверях мы услышали крик лже-Шумахера:

– Ладно, пусть не ваша и не моя будет! Двенадцать тысяч!

Я, признаться, даже не рассчитывал, что удастся выбить у хозар столь низкую цену. Мы с Дашей немедленно вернулись к столу и написали новую расписку. Суренов порвал вчерашнюю, Ленчикову.

Двенадцать тысяч долларов нам следовало изыскать и отдать хозарам в течение двух недель. Санкции и проценты не упоминались. Предполагалось, что данную сумму мы отдадим *им в любом случае*.

Когда мы под руку с Дашей покидали территорию автосервиса имени Шумахера, я внимательно осмотрел все подходы к нему. Оглядел безо всякой задней мысли. Скорее в силу профессиональной привычки.

Катя Калашникова.

В то же самое время

Дарья и Павел вернулись со стрелки в хозарском автосервисе безумно довольные.

Прямо в коридоре Дашка торжествующе объявила:

– Скостили до двенадцати тысяч «зеленых»!

А Синичкин добавил:

– Все благодаря Дашке. Я ей говорю: тебе надо не в офис-менеджерах сидеть, а идти в большой бизнес. Крутая переговорщица! Хозары от нее очумели.

Парочка сняла обувь и прошла на кухню.

Катя налила им кофе. Даша всполошилась:

– У меня есть печенье. И конфеты. Знаете, какой Ленчик сладкоежка.

– Тащи, – милостиво скомандовал Павел Даше.

После похода к чуркам между ними двумя – Катиным мужчиной и Катиной сестрой – установился какой-то новый уровень взаимопонимания. Нельзя сказать, чтобы саму Катю это обстоятельство сильно порадовало.

– Где будешь брать деньги? – обратилась она к Даше, чтобы охладить неуместную веселость обоих.

– Не знаю... – растерянно заморгала Дашка. – Может, продать что?
– Что ты можешь продать?
– Ну, не знаю... – смешалась Дарья. – Может, «девятку»?
– Битая «девятка» – это тысяча долларов. Максимум, – отрезала Катя.
– Мебель? – предположила Даша.
– Еще одна тысяча.
– Тогда... – протянула сестра, и ее глаза наполнились слезами, – тогда нам с Ленчиком придется менять нашу квартиру. С доплатой. Поедем в однокомнатную...
– А как твоё американское наследство? – перебил Катю Павел.
– Пока – никак. Его опротестовали. Предстоит суд. Словом, улита едет – не скоро будет. На кухне у Коноплевых повисла унылая тишина.
– У меня пока есть деньги, – смягчила свой резкий тон Катя. – Те, что я наработала в этом сезоне с учеников. Все ребятки, слава богу, поступили. Но это – шесть штук «зеленых». Я, правда, на них собиралась съездить в Испанию... А потом еще жить полгода. Ну, Испания, конечно, может подождать – ждала же она меня тридцать лет. А жить... Жить я вполне смогу на доцентскую зарплату. Может, удастся грант какой подцепить... Или с бывшего мужа выбью алименты – на воспитание любимого племянника...

Дарья благодарно улыбнулась.

– Ну-у, – вдруг выступил Павел, – у меня тоже имеются кое-какие сбережения. Как результат нескольких удачных дел. Татьяна Садовникова – твоя, Катя, подружка – мне хорошо в свое время заплатила. Еще за дело Барсинского.

– Татьяна мне не подружка, – отрезала Катя. – Так, шапочная знакомая.

– Неважно, – продолжил Павел. – Я собирался пустить эти бабки на ремонт квартиры – но... Словом, я дам Ленчику заем. Беспроцентный кредит. И бессрочный. Не тебе, Даша, дам займы, а именно – Ленчику. Раз он влетел – ему и расплачиваться. Он парень взрослый. И толковый. А компьютерщики получают много. Кончит институт, станет работать – потихоньку отдаст мне эти бабки... Как вам такой вариант?

– Паша, но ведь это неудобно... – нерешительно протянула Даша.

– Неудобно спать на потолке, – отрезал Павел.

Леня Коноплев.

В то же самое время

В ожидании Машки Ленчик успел обтоптать всю рыночную площадь, предварявшую станцию метро «Косинская».

По привычке он купил любимую газету – «Автогонки». Развернул. Просмотрел заголовки.

«Мика Хаккинен совершает рекламный тур по Украине».

«Концерн „Пежо“ приступил к разработке новой модели».

«Москвичи озабочены автомобильными пробками».

Вдруг Ленчик понял, что его еще долго будет тошнить от одного слова «автомобиль». И еще ох как не скоро он сам сядет за руль... Леня вышвырнул газету в урну, даже не долистав ее до конца.

А Машка все не появлялась. От нечего делать Ленчик повелся на уговоры грязноватой тетки, продававшей «старый добрый «Спринт».

«Спринт» представлял собой горку неряшливо скрученных бумажек. Продавщица пообещала Ленчику «новый джип без проблем». Однако он проиграл сорок рублей и с позором ретировался.

Маша появилась внезапно. Бледная, глазищи горят.

Заметив Ленчика, она просияла. Ускорила шаг. Чмокнула в щеку. Ее губы были мягкими и тревожными.

– Ну, ты как? – взволнованно спросила она.

Ленчик неопределенно пожал плечами.

– Они тебя били? – заглянула ему в глаза Машка.

– Нет, – быстро и убедительно соврал он. И добавил: – Зачем им это? Лучше, как говорится, деньгами.

– А откуда синяк?

– О руль звезданулся.

Машка, казалось, поверила.

Мимо них протащилась толпа горластых теток, вооруженных сумками-телегами. Машка поморщилась:

– Пойдем-ка отсюда.

Ленчик предупредил:

– У меня маманя дома. И тетка приехала.

– Ну и ладно, – мужественно ответствовала Мария.

Лене совсем не хотелось домой.

– Может, по пиву? В сквере? – предложил он.

Маша взглянула на часы. Она никогда не пила спиртное раньше четырех дня. Сейчас время медленно двигалось к полудню.

– Ладно, давай. Только мне – ноль тридцать три, – попросила она.

Из-за дурацкого «Спринта» денег почти не осталось. Пришлось позориться, выгребать из карманов мелочь. Машка тактично смотрела в сторону.

Когда они наконец вышли из толпы, клубящейся подле метро, оба облегченно вздохнули. Маша взяла его за руку, сказала:

– Если не хочешь, ничего не рассказывай.

Ленчик благодарно сжал ее ладонь. Они молча дошли до скверика. Устроились в теньке. Открыли пиво.

Маша сделала глоток и небрежно заявила:

– Да, кстати. – Она открыла сумочку. – Я привезла тебе тысячу.

– Что-о? – переспросил Ленчик.

– У меня на книжке лежала тысяча долларов, – терпеливо объяснила она. – Держи. Отдашь, когда сможешь.

– Эй, мать, ты чего?

– Ничего, – отрезала она. – Забирай, говорю.

– Нет, – твердо ответил Ленчик.

Маша достала из сумочки зажигалку. Высекла огонь. Поднесла его к пачечке долларов.

– Тогда я их сожгу.

Пламя дрожало в опасной близости от зеленых купюр. Леня вырвал у нее зажигалку.

– Перестань! Тоже мне, Настасья Филипповна!

– А ты что, читал про Настасью Филипповну? – Машка даже глаза округлила.

– Кино смотрел. Старинное. Черно-белое.

– А-а, – разочарованно протянула Манюня.

Ленчик сказал ласково:

– Машенька, ну зачем ты?.. Твоя тысяча меня все равно не спасет.

Ее брови сошлись в упрямую линию:
– А я говорю – бери! Деньги – мои личные. Что хочу, то с ними и делаю.
Ленчик попробовал зайти с другой карты:
– Машка, зачем ты меня опускаешь? Я не альфонс. Денег у женщин не беру.
– Ты не альфонс, – серьезно сказала она. – Просто ты – мой друг, и у тебя – неприятности.
Леню – в который раз за последние сутки – охватило отчаяние. Он не выдержал:
– Если б ты знала, Машка, как я себя презираю.
Она отставила свою бутылку. Потянулась к нему. Прижалась.
– Ленчик! Ты ни в чем не виноват! Это судьба. Случайность. Рок.
– Нет! Не судьба и не рок! – вскричал он. – Я ехал на желтый. И мог бы тормознуть! Но решил, что дороги уже пустые. Думал, проскочу.
– Мой папа тоже по ночам ездит на желтый. И даже на красный, – спокойно парировала она.
– Я, я дал им расписку! И подписал протокол, что сам виноват в аварии.
– Сколько их было? – спокойно спросила Маша.
– Двое.
– Старые?
– Лет по сорок.
– «Быки»?
– Нет. Хачики.
– Значит – с пушками. И ехали они на «Брабусе», – подытожила Машка. – Что же тебе оставалось делать? И я бы подписала. И любой на твоём месте подписал бы что угодно.
– Но я же – мужчина! – воскликнул он.
На слове «мужчина» голос дрогнул, сорвался.
– Ты – мужчина, – согласилась она. Погладила его по плечу. – Еще какой мужчина. – И горячо добавила: – Но они – бандиты. Это их работа, понимаешь?! Бизнес такой – отбирать деньги у тех, кто слабее.
«Вот так вот. Я – слабак», – подумал Ленчик. Эта мысль была горькой, но уже становилась привычной.
Маша быстро исправил ошибку:
– Даже необязательно у тех, кто слабее. Просто ты молодой, ты был один. Да они специально под тебя подставились! Это же натуральное кидалово! Знаешь, сколько народу так на бабки попало?! Ты «Дорожный патруль» посмотри!
– Ну спасибо. Утешила... – проворчал он. И спросил: – Может, посоветуешь, что мне все-таки делать?
Она задумалась. Потом неторопливо произнесла:
– Пойти домой. Взять еще пива. Выпить. И отоспаться.
Ленчик только пожал плечами. А Маша добавила:
– А потом. Потом, на свежую голову... Есть у меня одна идея. Обсудим.

Павел Синичкин.

В то же самое время

После того как с денежным вопросом было покончено, наша Семья, неожиданно сплотившаяся (как это часто бывает) вокруг горя, не торопилась расходиться из Дашкиной квартиры.

У меня, как у хозяина маленькой, но гордой фирмы, рабочий день (и ночь) не нормированы. Никаких дел на сегодня в офисе, помимо уборки стола, запланировано не было. Катерина моя закончила летнюю свою работу. Причем по обе стороны приемной комиссии: с официальной, так сказать, линии фронта она преграждала путь нерадивым абитуриентам. А со стороны неофициальной – натаскивала своими частными уроками тех же самых абитуриентов для поступления в ту же самую Лингвистическую академию. Ясно, какой род деятельности приносил ей большее количество денег.

Дашка была чем-то вроде офис-менеджера в частной школе. У нее тоже наступили каникулы. Словом, никто из нас никуда не спешил. И мы занялись любимым русским делом: сидели на кухне и разговаривали. Мы бы даже выпили, если бы двое из нас, я и Катя, не были за рулем. А Дашка – та без стеснения достала из холодильника бутылочку коньячку и принялась цедить рюмочку, снимать стресс.

Нам, всем троим, казалось, что все кончилось. Что ситуацию мы разрулили. Двенадцать тысяч долларов – сумма, конечно, большая, и терять ее очень неприятно. Однако не здоровье же это. Не жизнь. Это всего лишь деньги. Как я их заработал, так и отдам. А мне потом за это воздастся. Там, наверху. Или Ленчик когда-нибудь вернет эти несчастные доллары.

Мы почти праздновали сейчас на кухне. У Дашки, сразу видно, с сердца прямо-таки булыжник свалился. Нам, всем троим, казалось, что мы счастливо избежали *крупных неприятностей*. Что теперь все будет нормально.

Забегая вперед, скажу: как жестоко мы тогда ошибались!

А пока слегка запьяневшая Даша вдруг спросила у меня:

– Паш, а Паш? Вот объясни мне такую простую вещь... Вот есть бандиты. Ходят они по Москве. Гоняют на своих «Мерседесах»... И все знают, что они – бандиты. И милиция знает, и ФСБ, и РУБОП. И в газетах, и даже в Интернете написано, что они – бандиты... Почему тогда, скажи мне на милость, эти наши чертовы ФСБ, и милиция, и РУБОП не возьмут их? Почему не посадят их, черт возьми?! Почему они спокойно живут? Жрут себе, пьют и таранят своими авто кого попало?!

Я помедлил. Даша смотрела на меня вопросительно. Она *действительно* ждала ответа. А моя Катя испытующе глянула на меня, улыбнулась одними прекрасными своими голубыми глазами и добавила:

– Только не рассказывай ей о неукомплектованности милиции. И о маленькой ментовской зарплате. И о слабом законодательстве. И о том, что бандюки могут купить себе лучших адвокатов... – Катя саркастически усмехнулась. – Пусть обо всем об этом депутаты говорят...

– Девочки, вопрос серьезный, – сказал я. – Позвольте я отвечу вам метафорически.

– Это ты, – спросила Даша сестру, – лингвист противный, нашего Пашу таким словам учишь? С ума сойти, «метафорически»!.. – Даша прыснула.

Я проигнорировал ее нервное веселье и спросил:

– Вы представляете себе, сестренки, как функционирует зона?

– Зона? – переспросила Даша.

– Ну да, зона. Обычная российская зона. Лагерь. Исправительно-трудовое учреждение. Место лишения свободы... Вот кто, скажите мне, обеспечивает там порядок?

– Конвойные, – сказала Даша. – Вохра.

– Ответ неправильный. Конвойные только следят, чтобы зэки оттуда не убегали.

– Тогда – администрация зоны.

– Опять ответ неправильный.

– Тогда – *кто*?

– Весь порядок в зоне поддерживают те же люди, что там сидят. Ясно? – Я обвел сестер взглядом. Они смотрели на меня выжидательно. – А что такое порядок в тамошнем понимании? – продолжил я. – А тамошний порядок заключается в том, чтобы все *терпели*, то есть

работяги, выходили на работу. И давали бы выработку. И не устраивали побегов. Или бунтов... А для поддержания *порядка* на каждой зоне есть *бугор*. И у него имеются подручные. *Авторитеты*. А в каждом бараке имеется – *бугор барака*. А у него – свои собственные подручные... И так далее. В ИТУ работает жесткая, мощная самоорганизующаяся система... А для того, чтобы система действовала, администрация лагеря дает тем, кто работу данной системы обеспечивает – то есть *буграм, авторитетам, законникам*... – различные послабления. На работу им можно не ходить, у них залейся водки, имеется ширево, цветные телевизоры, видаки, девочки, мальчишки... Бугры на зоне живут значительно веселее, чем мы – на воле...

– То есть ты хочешь сказать... – задумчиво начала Даша.

– Да, я хочу сказать, – перебил я ее, – что по тому же самому принципу *система* построена и здесь – *по нашу сторону* колючей проволоки. На воле... Государство у нас выполняет сейчас те же самые функции, что и вохра в колонии... Следит за внешним проявлением порядка. Порой раздает баланду или отправляет в лазарет... Оно ведь у нас, государство, – слабенькое, продажное, аморфное... Но если оно не может обеспечивать порядок в стране, то кто-то же должен это делать!.. Чтобы рынки работали, предприятия давали прибыль, грузы доставлялись по назначению, а поезда приходили вовремя... Чтобы ночами было относительно спокойно, а работяг, *терпил*, не грабили (больше того, что положено)... Ну, и кто конкретно будет за этим следить?

Я сделал паузу. Сестры внимательно меня слушали.

– Вот они, – продолжил я, – все эти *хозарские, воронцовские, солнцевские, абиссинские* за порядком у нас и следят... Каждая группа – на захваченной ею территории... А в обмен на эту работу по обеспечению *тишины и порядка* наше государство позволяет всем им – солнцевским, хозарским, абиссинским... – жить в лучших особняках, ездить на лучших машинах... И денег иметь сколько хочешь, и девочек, мальчиков, ширева и водки через край... Таков, дети мои, – я развел руками, – новый общественный договор...

– То есть ты, Паша, хочешь сказать, – спросила слегка пьяненькая Даша, – что мы живем как в зоне? *Позаконам* зоны?

– Конечно, – ответил я. – Конечно. Правда, зона у нас – улучшенной планировки. Со всеми удобствами.

– Да ты, Пашуня, – усмехнулась моя Катя, – не просто частный сыщик. Ты у нас сыщик-философ. Сыщик-политолог.

– С кем поведешься... – Я сделал полупоклон в ее сторону.

Прошло два дня

Пробка впереди выглядела безнадежно.

– Встань здесь, – буркнул Услан водителю.

Серебристо-красный «Мерседес-320» подрезал зазевавшуюся «шестерку» и воткнулся в вожащенное парковочное место. Водитель «шестеры» принялся было бибикать. Однако быстро углядел мерседесовский номерок: три четверки. И гудеть перестал.

Услан подождал, пока водитель выскочит из машины и откроет ему дверцу. Брезгливо ступил ботинками крокодиловой кожи на асфальт. Взгляд уперся в стухшую банановую кожуру и смятый пластиковый стаканчик. Услан поморщился.

– Убери, – тихо приказал он водителю.

Тот безропотно поднял мусор. Побежал, выкинул в урну.

Услан удовлетворенно кивнул и отправился на ежедневный осмотр своих владений.

...Оптово-розничный рынок подле метро «Косинская» гудел двадцать четыре часа в сутки. Рынок не засыпал ни на минуту. Уже с пяти утра было не протолкнуться. «Газели», грузовики, фуры. Кто-то разгружается, кто-то, наоборот, забивает машины ящиками с овощами

и фруктами. Расхаживают тетки-торговки, гортанно кричат: «Чай, кофе-э, самса-а!» Между автомобилями и пешеходами лавируют грузчики со скрипучими телегами. Телеги переполнены, ящики в них опасно кренятся. Грузчики роняют по пути апельсины, лимоны, яблоки. Упавшие фрукты достаются алкашам... Алкаши, впрочем, подбирают не только пищу. У них тоже есть свой бизнес: таскать за бутыл-другую мешки и ящики.

Часы суток на Косинском рынке были строго поделены. Раннее утро безраздельно принадлежало оптовикам.

С юга привозили фрукты, из Подмосковья – овощи. Тяжелые фуры создавали беспросветные заторы. В те же часы на рынок являлись многочисленные закупщики из ресторанов, кафешек и магазинчиков. Они приезжали на пикапах или «Газелях». Долго и въедливо переругивались с продавцами, а потом с помощью алкашей перегружали на свой транспорт мелкооптовые партии даров природы.

Частные гаражи, построенные возле рынка, постепенно переключивались в руки торговцев. Теперь во многих боксах хранились не автомобили, а мешки – с картошкой и луком.

Разгрузка-погрузка обычно заканчивалась к полудню. К этому времени на рынок являлись пенсионерки и домохозяйки. Они увлеченно перелопачивали весь базар в поисках самой дешевой еды. Устраивали визгливые сцены в местном отделении санэпидстанции и подле контрольных весов. Особо сволочной народ строчил жалобы на обсчеты-обвесы. Некоторым из кляуз проверяющие давали ход, приходилось от них откупаться. И Услан потому дал торговцам негласное указание: пенсионерам не хамить, не обвешивать их и гниль им не подсовывать. А то себе дороже.

Торговцы отыгрывались на менее прихотливых покупателях. Эта публика посещала владения Услана вечерами – работяги, клерки, трудящиеся женщины. Уставшие после дневной службы, они покупали быстро, без особого разбора и делали рынку основной оборот. Продавцы любили рабочий люд – нещадно обвешивали его, обсчитывали, подсовывали под сурдинку лежалый или порченный товар...

В восемь вечера рынок закрывался. Но вдоль забора еще долго стояли особо упорные торговцы, уговаривая покупателей взять товар с бешеной скидкой. С закатом солнца к рынку выполняли *несуны* — так на Косинском называли продавцов «травки».

А ближе к ночи сюда съезжались дачники. Привозили выращенные на шести горбатых своих сотках лук, чеснок, редиску и сдавали их оптом. Выручали они за свой товар немного, и, хвала Аллаху, дело удалось наладить так, чтобы эта мелочь не толкалась здесь со своими редисками, не создавала суету и ненужную конкуренцию. Дачники хорошо знали: или сдавай товар оптом за бесценок, или лихие ребята опрокинут твои ящики, рассыпят по асфальту клубнику-помидоры. А хулиганов потом ищи-свищи...

Услан иногда размышлял: «Супермаркетов в Москве – немерено. И продмагов. И всяких «экономных» магазинов – «Копейки» там, «Копилки»... Только народ все равно ко мне приходит. И будет приходить. Потому что везде картошка – по девять рублей за кило. А у меня – по пять, а мелкая – по четыре. Конечно, за те деньги и гнилушек подложат, и обвесят... А все равно получается народу выгодней, чем в магазине.

Или возьмем английский чай под названием «Липтон». У меня на рынке один одноразовый пакетик стоит девяносто пять копеек. А у Арсенчика в «Беременной парашютистке» тот же пакет, с моего же рынка, разбавленный практически бесплатным кипятком, стоит пятьдесят рублей. Прибыль – более пяти тысяч процентов! Или это рентабельность называется? В общем, как ни называй, – денег получается до х...я.

Но, главное, – думал Услан, – оборот. Чем ждать, пока у тебя купят стакан чая за полтинник, лучше тысячу пакетов за это же время продать по девяносто пять копеек. Вот она, выгода! Оборот!»

Услан целый год проучился в Плехановской академии. За то время успел узнать разные экономические теории и термины. Его любимым словом стала *выгода* во всех приложениях: *ожидаемая выгода, упущенная выгода, возможная выгода...*

Держать рынок было *безусловной выгодой*.

...Начало июля здесь было, пожалуй, самым горячим месяцем. Уже созрели кабачки, баклажаны, огурцы, помидоры, молодой чеснок. Из Краснодарского края гнали бесконечные фуры с клубникой и черешней. Узбекистан поставлял абрикосы, персики и лысые персики, называемые нектаринами. Укропа, петрушки, кинзы, зеленого лука, салата привозят столько, что их продавцы готовы передрались за торговое место. И народу все прибывает, прибывает... Кому-то приходится даже отказывать, кого-то – привечать. К примеру, сегодня Услан послал фермеров из Хохляндии – и так весь рынок уже завалили клубникой. Только цену сбивают. А резвых девах с желтой черешней (из какой-то Архипо-Осиповки) – принял. И черешня дешевая, и девки ладные...

Наряду с овощно-фруктовыми да оптово-розничными продажами Услан развивал на рынке сопутствующий бизнес. Поставил забегаловку, потом еще одну чайхану, открыл новый зал игровых автоматов. Выбил в СЭС разрешение для земляков из числа «черных хозар» – те пожелали печь и продавать народу лаваш. Явилась колония узбеков – сорок семь душ, не считая малых детей. Им Услан разрешил просить на рынке и близ него милостыню – за двести баксов в день на круг. А таджиков на тот же самый промысел не пустил – у тех с младенцами негусто, а ходячим детям, пусть даже худым и грязным, хрен кто подаст.

...Услан с удовольствием шел по *своей* территории. Дело двигалось, крутилось, пульсировало. Сливало в его карманы живые деньги, живую *выгоду*. Знающие торговцы почтительно его приветствовали. Алкаши заискивающе кланялись едва ли не в пояс. Нищие стыдливо прятали протянутые было к нему руки.

Услан навел официального директора рынка. Велел тому набрать еще с десятков уборщиков – а то СЭС как пить дать прие...ся. Понаблюдал за нервной толпой, вертевшейся у контрольных весов, – слишком много умников развелось. Не довели бы до беды... Пришлось дать указание втихую сдвинуть на «контрольках» рисочки на тридцать граммов. Как говорят эти русские: береженого бог бережет.

Потом Услан направился к корейцам, занимавшим целый ряд своими морковками-черемшами. Ему давно поступали жалобы на то, что хитрые *сюнь-фуни* не доплачивают ежедневного ясака. Оговариваются, что нет, мол, у них торговли. Услан решил кореек не уговаривать – и без них места мало. Кто не хочет платить – пусть катится к е...ой матери. А на их места он поставит овощников.

Услан брезгливо протискивался сквозь плотную, дурно пахнущую толпу. Морщился от визгливых криков продавцов-зазывал. На тщательно наполированных ботинках уже осела пыль. Кто скажет, усмехнулся, что его работа – *непыльная?*..

Он приближался к корейскому ряду и уже придал лицу неприступное выражение... И тут кожей почувствовал, что на рынке *что-то происходит*. Нет, внешне все выглядело спокойно – обычная оживленная торговля. Но крики торговцев стали слышны чуть громче, и посетители задвигались чуть быстрее. Услан уловил обрывки фраз: «*Кошмар... бежим отсюда... милиция!*»

«Что? ОМОН?» – не поверил он. Его всегда заранее предупреждали о масштабных милицейских операциях. И он заблаговременно выдвораля с рынка торговцев «травкой» и тех «черных хозар», что проживали в столице без регистрации.

Крики раздавались со стороны главного входа. Услан решительно повернул туда. Ему навстречу в беспорядке двигались люди. Толпа нарастала, раздувалась. Протискиваться сквозь нее становилось все сложнее. Он выхватил взглядом растерянное лицо директора рынка.

Поманил его пальцем. Тот мгновенно проюлился сквозь плотный поток людей. Не дожидаясь вопроса, растерянно пробормотал:

– Говорят, там змеи...

– Что-о? – повысил голос Услан.

Змеями хозары называли налоговых инспекторов.

Директор (он был русским и с трудом усваивал хозарскую терминологию) еще больше смешался:

– Живые змеи. Настоящие змеи! – Он с трудом перекрикнул шум толпы. И рукой показал извилистое движение: ползут, мол.

Услан усмехнулся. От жары у народа не все с крышей в порядке. Откуда *здесь* – змеи? А волнение меж тем нарастало. Услана и директора, стоявших посреди прохода, обходить перестали. Толкали, отпихивали, норовили смести. Неслись крики: «*Она его укусила!!! Пена на губах! А «Скорой» нет!!!*»

– Пошли, – приказал Услан директору. Сейчас он разыщет шутника и навалит та-аких пендюлей – за семь километров рынок обходить будет! – Пошли давай!..

Но никакого «пошли» не получилось. Толпа очумело сносила с прилавков пирамиды фруктов. Услана с директором оттеснили, прижали к лотку с редиской. «Шутники! Вашу маму, блятт!»

Услан схватил за шкурку молодца-охранника, бодро драпающего в толпе. Потребовал ответа:

– Где змея?

– Не змея – змеи!!! – ответил тот, не скрывая дрожи в голосе. – На фруктах! До хера и больше! – Покосился на Услана и добавил: – Вот, спешу, чтобы вызывать милицию.

– Дурак, – тихо проговорил Услан и достал мобильный телефон. Набрал номер службы спасения. Спокойно сказал оператору:

– На Косинском рынке обнаружены змеи. Количество? Большое. Порода? Неизвестная порода. Кто говорит? Хозяин рынка. Ты своих, красавица, поторопи, я заплачу им, поняла, дочка?

... Ближе к вечеру Услан просуммировал убытки.

Перепуганная толпа снесла восемьдесят четыре легких лотка и четыре стационарные палатки. Ущерб по данной графе составил девятьсот пятьдесят долларов.

К нему явилась депутация возмущенных продавцов – их товар побили, подавили, а под сурдинку – и поворовали. Торгаши потребовали контрибуцию за материальный и моральный ущерб. Услан жестоко торговался. Но на уступки все же пришлось пойти. Торгаши выклянчили освобождение от обязательных платежей сроком на неделю – а это без малого пять тысяч баксов.

Службе спасения Услан отстегнул пятьсот гринов за стремительную ликвидацию последствий неприятного происшествия.

Кроме того – и самое главное! – торговля оказалась парализованной на весь оставшийся день. Нехорошие слухи о Косинском рынке поползли по столице. Ведущие программ телевизионных новостей – как минимум четырех программ! – сообщили об идиотском случае в районной станции метро «Косинская». И это означало *ущипленную выгоду* в размере как минимум десяти тысяч долларов.

А виновниками переполоха оказались... ужи. Ужей на рынке было как минимум около сотни экземпляров.

Непонятно, как обыкновенный уж смог укусить посетителя. Причем так укусить, что (как кричали во время паники в толпе) у того на губах появилась пена. Пострадавшего найти так и не смогли.

Как не удалось отыскать и тех вредителей, что бросили посреди рынка открытую сумку со змеями.

Дарья Коноплева.

В то же самое время

Даша проснулась позже обычного – в девять. Минут двадцать провалялась в постели. Решала извечный утренний вопрос: «Бежать? Не бежать?»

Бегать она категорически не любила. Но утренние пробежки оставались единственным бесплатным способом поддерживать себя в форме. За те же занятия карате приходилось платить. Пусть два раза в неделю, а все равно набегало пятьсот рублей в месяц. А бег хорош тем, что дышалка продувается, мышцы крепчают и получают тонус – и все это бесплатно.

Дарья подергала себя за кожу на бедре. Несмотря на все физические нагрузки, кажется, под пальцами уже проступает дряблость.

Она решительно поднялась и натянула спортивный костюм.

Пробежав три километра, она чувствовала себя усталой и сильной. Закончила тренировку «вертикальной нагрузкой» – домчалась до квартиры пешком, без лифта. Тихонько отперла дверь. Ленчик, кажется, еще дрех.

«В темной прихожей да в спортивном костюме я еще хоть куда», – подумала Даша.

Она глубоко вздохнула и включила свет. Придвинулась ближе к зеркалу. М-да, фигура у нее, может, и ничего. А вот с лицом – давно пора что-то делать. Физиономия ее смотрится – почти точно на свои сорок. На сорок лет обычной российской женщины – которая днями работает, а вечерами крутится по хозяйству.

Морщины еще неглубокие, но уже есть. И темные тени под глазами не выведешь – хоть сутками отсыпайся. Бесплезно. И волосы какие-то тусклые.

Даша уверилась, что Ленчик прочно засел в своей комнате, и прошла в спальню. Быстро скинула одежду. Подошла к большому зеркалу. И немного утешилась.

Ноги-то у нее – по-прежнему стройные, руки – крепкие, живот – плоский. Спасибо спорту. Правда, грудь немного обвисла. Что поделаешь – годы, роды. Помнится, Катя когда-то подарила ей крем для укрепления бюста. Два дня Даша регулярно его использовала – а потом закрутилась, забыла.

Она немедленно отыскала крем и щедро смазала грудь.

Присела на кровать. Задумалась. Поправимо – или нет? Получится – не получится?

Даша дотянулась до тумбочки, взяла с нее ежедневник. Открыла. Вот она – вся ее жизнь:

Квартплата за июнь – 349 руб.

Рецепт салата «Мимоза» (по-галькиному).

Купить на торт: дрожжи 1 пач., орехов 2 стак.

И так далее – все такое же скучное.

Даша сердито перечеркнула план на сегодня: *«Взять из химчистки Ленины брюки. Вызвать сантехника».*

Все. Объявляется бунт. Обслуживать квартиру и сына ей надоело. Надоели химчистки и сантехники. Пусть сынок, если хочет, сам разбирается со своими брюками и подтекающим краном в ванной. Как машины гробить и налетать на бабки – он взрослый. А как обслуживать самого себя – он дитя. Посуду не может за собой убрать, не то что – помыть.

Дарья решительно открыла чистую страницу и написала:

Неотложное:

1. *Постричься.*

2. *Покраситься.*

Только в районной парикмахерской из нее такую каракатицу сделают! Даша секунду подумала и приписала:

Сходить на компьютерное моделирование прически. Стричься – в Жак Дессанж.

3. *Узнать у Кати про всякие омолаживающие процедуры.*

Нет, Катю она лучше в свои планы посвящать не будет. Вопросов не оберешься. Зачем ей это, да почему вдруг? Нет, лучше самой просмотреть глянцевые журналы и подобрать что-нибудь подходящее. Вычеркнула Катю, оставила просто «омолаживающие процедуры». Написала далее:

4. *Сходить к косметологу. Возможно, решиться на пилинг.*

5. *Маникюр-педикюр.*

6. *Одежда???*

7. С одеждой – та еще задачка. Ее прежний подход – носить то, что нравится, – сейчас не пройдет. Одеться ей нужно модно. По моде именно этого сезона. Кажется, сейчас носят красное, а также исключительно натуральные ткани: лен, в крайнем случае, хлопок. Кстати, модные тенденции она тоже найдет в журналах. Значит, появляется следующий пункт:

8. *Купить журналы.*

«Работницы», которыми ее регулярно снабжала соседка, здесь неуместны.

Интересно, сколько это все будет стоить? Впрочем, явно не больше двенадцати тысяч долларов, на которые ее семья благодаря Ленчику налетела.

Даша отчего-то развеселилась. Постучалась в комнату сына. Тот только проснулся, сонно хлопал в постели красивыми глазищами.

Даша с порога решительно сообщила:

– Значит, слушай сюда. Обед сегодня не будет. Я уйду на весь день. Вот тебе квитанция. Сходишь в химчистку, заберешь свои брюки. И вот – телефон. Позвони, вызови слесаря. Пусть кран в кухне починит. Раз сам не умеешь.

Ленчик обалдело уставился на нее:

– Мама! Ты случайно не заболела?

– Отставить разговорчики. На обед купи себе пиццу. Пожаришь ее в духовке.

– А пирожки? Ты обещала, – обиженно проговорил сын.

– Пирожки отменяются. Если не наешься – в холодильнике есть сосиски.

– А ты-то куда собралась?

– В парикмахерскую. К косметологу. На маникюр, – бодро ответила Даша.

– Зачем?! – в ужасе воскликнул сын.

«Вот так вот. Зачем ей, спрашивается, маникюр. Дожила», – подытожила Даша. И ответила с вызовом:

– А просто так. Захотела.

* * *

Сурен Каримов, великий хакан, всех своих родственников держал в строгости. Жена смотрела на него *преданно*, сыновья – *почтительно*. А всякие прочие, седьмая вода на десятом киселе, без крайней нужды и подойти к нему боялись.

Исключение Сурен Ахмедович делал только для любимого внучатого племянника, самого юного в хозарской семье, Эльшадика. Тот, смазливый, двадцатипятилетний и нахальный, был слабостью деда. И умело этим пользовался. Хотел – подлизывался, хотел – даже позволял себе почтительно, но – спорить с хаканом. Чего не позволял себе более никто на всем свете.

Дядя Сурен долго не мог пристроить племянника к *делу*. Торговать тот не любил, выбивать долги – боялся, работать в казино – не желал. Только читать любил – но работы с книгами в Семье ему предложить не могли. Не покупать же парню специально библиотеку, издательство или книготорговую фирму! Не та у хозар *специализация*.

– Чего же ты хочешь? – в сердцах спросил хакан, когда ему в очередной раз донесли, что племянник Эльшад бьет баклуши и бесплатно пользуется работающих на Семью проституток.

– Машину хочу. «Мерседес», как у вас, – нахально ответил племянничек.

Дядя Сурен шутку оценил. И подарил ему – автосервис.

– На машину сам зарабатывай.

Автосервис Эльшаду достался гаденький.

У самой Кольцевой дороги, рядом со свалкой ему выкупили восемь гаражей-боксов. Оборудование взяли по минимуму – даже элементарной «болгарки» сначала не было, не говоря уж об электрическом подъемнике... Пришлось нанимать алкоголиков – те вырыли за ящик водки смотровую яму. Но под землей, как оказалось, били ключи. В яму регулярно поступала вода. Слесаря работали в резиновых сапогах, ныли, что схватят ревматизм. Оправдывая тяжелые условия работы, они нещадно калымили.

Сервис грозил развалиться, так и не раскрутившись. И тогда Эльшад отправился к дяде. Время для визита он выбрал строго в соответствии с рекомендациями книжных психологов: в пятницу поздним вечером. Дед уже отдышался от трудовой недели, а отдыхать еще не начал. Только предвкушал, старый хрен, как в субботу вызовет цыпочек и повезет их в сауну.

– Не идут, Эльшадик, делишки? – благодушно спросил дядя.

– А с вашим подходом и не пойдут! – дерзко ответил племянник. И быстро добавил: – Как говорит старик Котлер, двигатель успешного бизнеса – инвестиции, персонал и реклама. Вы же, дядя, работаете, словно в каменном веке.

Дядя Сурен нахмурился. Помолчал. Переварил информацию. Кто такой «старик Котлер», переспрашивать не стал.

– Сколько тебе надо? – спокойно спросил он.

– Строго согласно бизнес-плану. – Эльшад немедленно всучил дяде отпечатанные на лазерном принтере листки.

Сурен Каримов не стал читать Эльшадову гордость – экономическое обоснование проекта. Проглядел только план мероприятий: закупка оборудования, круглосуточный режим работы, реклама в местной прессе и щиты вдоль Касимовской улицы. А над итоговой суммой поморщился:

– Сорок штук гринов я тебе не дам. Обходись двадцаткой. А прогоришь – будешь отдавать с процентами.

Эльшад с превеликим трудом сдержал торжествующую улыбку. В умных книгах правильно писали: «Проси вдвое больше – получишь на что рассчитываешь».

И для маленького автосервиса близ Кольцевой настали лучшие дни.

Оборудование Эльшад скупил по дешевке в разорившихся автомастерских. Зажравшихся слесарей выгнал. Вместо них переманил тройку классных мастеров с государственных сервисов. В подмогу им взял молодежь из числа «черных хозар». Для подсобных работ, открутить-прикрутить, и пацаны сгодятся. Зато платить им можно копейки.

Эльшад организовал регулярные объявления в недорогих районных газетках. Нанял подростков – те должны были совать листовки с рекламой за дворники автомобилей, в избытке припаркованных совсем рядом, возле Косинского рынка. Украсил соседние улицы щитами: «АВТОСЕРВИС «ШУМАХЕР». ЧИНИМ ВСЕ. ЧИНИМ БЫСТРО. ЧИНИМ С ГАРАНТИЕЙ. РАБОТАЕМ 24 ЧАСА В СУТКИ».

Народ потянулся. Поначалу не обходилось без накладок. Какой-нибудь ффраер явится на «Рено» – а как это «Рено» чинить, один Аллах знает. Мальчишки-подмастерья – не уследишь

же за всеми! – важную гайку в смотровой яме потеряют. И не только районные менты повадились ремонтироваться на халяву, но и всякая мелочь пузатая – из пожарного надзора, из санэпидстанции.

Однако новое дело Эльшада захватило. Он присутствовал на своем сервисе почти все объявленные в рекламе двадцать четыре часа в сутки. Теплыми ночами спал здесь же, в своем по-пижонски оборудованном кабинете. Был в курсе всех текущих проблем. Кого-то из недовольных клиентов улещивал, кого-то (иногда при помощи людей двоюродного дяди, самого тудуна Нарима Каримова-Черного) – припугивал. Попутно подучивался у опытных слесарюг – и теперь сам мог поставить диагноз при любой машинной поломке.

Сервис «Шумахер» стал считаться одним из лучших в районе. Окончательной победой стал визит двоюродного деда Сурена, доверившего команде Эльшада свой бронированный «шестисотый» «мерс». «Мерс» облизали так, что поднеси ухо к капоту, и то не услышишь: а заведен ли вообще движок?

Двоюродный дед остался доволен. Благодушно дал денег на дальнейшую раскрутку. И вскоре в «Шумахере» появились автомойка, химчистка салона и компьютерная диагностика. Наняли еще пяток слесарей, а рекламу стали давать в дорожной газете «Экстра-М».

Но Эльшаду все казалось, что спектр услуг в «Шумахере» ограничен, а посетителей – мало. Он сидел над автомобильными журналами, посещал автовыставки, следил за новейшими разработками в области технологий ремонта автомобилей. И однажды в его руки попал буклет про суперанглийскую технологию «Scratch away», что переводилось как «Прочь, царапины».

Официальный перевод названия Эльшаду не понравился, и он переименовал его на свой вкус: «Дырки – на хер!» Так, на его взгляд, звучало гораздо лучше.

Англичане обещали поставлять заинтересованным автосервисам набор суперкрасок. С их помощью можно было восстанавливать покоцанные тачки так, что покрашенного места не увидишь даже с лупой. «Интересно, какого шайтана? – скептически думал Эльшад. – Закрас – он всегда виден, как ни извращайся...»

Но на всякий случай он отправился на презентацию технологии. Там его встретили шустрые мальчишки – русские, но косящие под англичан. Поили бесплатным шампанским, совали в нос яркие плакаты. Верещали про «уникальные пигментные пасты», «эксклюзивные *биндеры*»⁵, «сверхточные аэрографы»⁶. На его глазах красили опытные образцы поцарапанных машин (и «Пассаты» там были, и «Вольво», и неновый «мерс»...). А после покраски – даже малейшие следы царапин действительно исчезали. Чудо прямо какое-то.

Распространители технологии обещали рекламную поддержку, особую скидку и постоянное содействие – из самой Англии. В общем, так охмурили, что Эльшад сам не понял, как отдал залог в пять тысяч долларов.

Новую идею дед – лично взявшийся курировать дела на мельчайшем (в масштабах империи хозар) автосервисе – не одобрил. Сказал коротко:

– Херня. Чудес не бывает.

Но денег дал. С обычным напутствием:

– Прогоришь – отдашь из своих.

Эльшад заплатил еще пятнадцать тысяч и оказался хозяином чемоданчика с красками, аэрографа и... обычного фена – им предполагалось сушить окрашенную поверхность. Еще ему предоставили бланки приходных ордеров (вот спасибо, в любом магазине они по десять рублей за сотню!) и бумажку с гарантией, что ни одному сервису на территории размером в пять квадратных километров вокруг «Шумахера» данная технология продаваться не будет.

⁵ В краске связующие составы.

⁶ Аэрограф – устройство для нанесения краски.

– А других дураков и без ихней гарантии не найдется, – пробурчал старший мастер, единственный во всем сервисе русак, скептически настроенный Борис Александрович.

Эльшад принялся осваивать новую технологию. Для эксперимента угробил две битые «копейки», валявшиеся неподалеку от сервиса. Своими руками смешивал, красил, сушил.

«Родного» цвета не получалось. А то, что выходило, – через пару дней смывалось дождями, несмотря на тщательнейшую сушку выданным феном.

Англичане ни хрена не помогали. На все рекламации глубокомысленно отвечали: проблема заключается в низкой квалификации вашего персонала.

Эльшад попробовал избавиться от технологии. Проклятые «Дырки прочь» только посмеялись и посоветовали внимательно перечитать договор. Согласно договору, вернуть им технологию и получить назад свои денежки было невозможно. Оставалось только обращаться к любящему деду или дяде Нариму-Черному и просить их *наехать*.

Черный-то, конечно, на англичан наедет. Только всех бабок он все равно не отобьет, от силы – половину. А еще половину от половины возьмет за свои услуги. А Эльшад останется с долгом в пятнадцать тысяч и с клеймом неудачника.

Пришлось искать обходные пути. За бешеную зарплату Эльшад нанял химика – профессора, из самого МГУ! Поручил ему сделать из проклятых «Дырок» по-настоящему работающую технологию.

– Бесполезно, – заявил химик.

– Плачу вдвое! – вздохнул Эльшад.

И работа началась. Химик возился три месяца. Эльшад с содроганием выкладывал бабки, что ученый требовал на дорогущие реактивы.

Первой красили машину самого химика – убитую в боях со стенами гаража «пятерку». Вышло! Вышло, даже несмотря на то, что родная краска машины до неузнаваемости выгорела! Закрашенных пятен на машине химика вовсе не было видно. Потом Эльшад пожертвовал царапиной на собственном «Форде». И опять получилось. Далее – рискнули тачкой какой-то бабешки, явившейся на сервис менять бензонасос.

Бабешка пришла в экстаз. От полноты чувств выложила Эльшаду сто баксов. И дело завертелось! А нахалы англичане присылали в «Шумахер» корреспондентов – написать о том, как безупречно работает якобы *их* технология.

«Дырки – на хер!» (почему именно *дырки* — никто не понимал) очень быстро завоевали в районе бешеную популярность. В «Шумахер» приезжали перепуганные подростки, поцарапавшие папины машины. Заявлялись экономные мужички – менять битую деталь их душила жаба. Дешевле покрасить так, чтобы скрыть все изъяны. Припархивали русские бандитские подружки, что не сумели припарковаться на «бээмвухах», подаренных папиками.

Однажды позвонил дедушка Сурен:

– На завтра закрой свой сервис. Спецобслуживание. Приеду я и два моих кума.

Эльшад торжествовал. Если ему доверяют эксклюзивные тачилы – а на чем еще ездят кумовья Сурена? – значит, технология, эти несчастные «Дырки – на хер!», которую он сам купил, а потом сам довел до ума, действительно работает!

Еще накануне он разогнал с сервиса всех клиентов. Нужно все прибрать, вычистить, подготовиться. Пожалел только совсем юную девчущку, пошкрябавшую папину машину. Малышка так дрожала, так причитала. Он сам покрасил ее убогую «Фелицию». А пока работал, налил ей чаю в своем кабинетике. Пусть посидит, успокоится. Может, он с ней *еще о чем-нибудь* договорится?

...ВЕЛИКИЙ ПОКРАС прошел, как говорят эти русские, без сучка без задоринки. Сурен довольно пыхтел, его кумовья поглядывали на Эльшада *уважительно*. Пять царапин на трех машинах (а тачилы стоят на круг тысяч шестьсот «зеленых»!) исчезли бесследно.

На радостях Эльшад отправил с посыльным ящик коньяку своему химику и на всю ночь забурился в принадлежащее Семье казино «Золотая фишка».

К семи утра он проиграл вторую штуку баксов и заказал шампанского – «отметить победу». А в пять минут восьмого его взял за плечо водитель Сурена.

– Поехали, – приказал он.

Не слушая возражений, вывел Эльшада из казино и усадил его не в только что покрашенный «Мерседес», а в «БМВ» – запасную машину дядюшки.

Всю дорогу водила зловеще молчал, яростно давил на газ. По пустому утреннему шоссе они домчались до дядюшкиного особняка в Малаховке за пятнадцать минут. Ворота оказались гостеприимно открытыми. А во дворе, вокруг уже работавшего фонтана, были выставлены все три покрашенные вчера машины.

Нет, царапины на них не проявились. Случилось гораздо худшее.

Серебристая «Ауди А-8» имела на своем боку извилистую линию ядовито-салатного цвета. Ярко-голубой «Порш» украшали радикальные зеленые разводы. А дядюшкин «Мерседес» цвета черный металлик оказался в оптимистичных блямбах тона молодой листвы.

Эльшад охнул. Опустился на колени перед одной из машин. Принялся стирать разводы носовым платком.

– Бесполезно, – ядовито сказал стоявший за его спиной водитель. – Не сотрешь.

На пороге виллы между тем появился дедушка. Сказал глумливо:

– Ну что ж, спасибо тебе, Эльшадик. Удружил. – И добавил стальным голосом: – Ну, пошли. Поговорим.

Дарья Коноплева.

В то же самое время

Даша с удовольствием продолжала следить за собой.

Ленька только ахал, когда мама приходила домой то с новой элегантно-небрежной прической, то в контактных линзах, превративших скучноватые серые глаза в два сияющих василька. Он придиричиво осматривал Дашу. И изрекал восхищенно:

– Ну, мамань, ты даешь!

– Что, нравится? – не без кокетства спрашивала она.

– Да зашибись! Просто супер! – хвалил сын. И ехидно добавлял: – Кто бы мог подумать! Нужно было *мне* впилиться в «Брабус», чтобы *ты* за себя взялась. Слушай, а зачем тебе это?

Даша не призналась бы никому, *зачем* ей это.

– Снимаю стресс, – глубокомысленно объясняла она сыну. – Стресс после твоей дурацкой аварии.

Результат работы над собой ей нравился. Правда, держать себя в форме оказалось делом дорогим, нудным и не всегда приятным.

Консультант по омоложению потчевала Дашу отвратительными таблетками (запить водой – нельзя, нужно обязательно разжевывать!) для того, чтобы вывести шлаки. Заставляла ее есть по утрам разведенную холодной водой овсянку. Прописала курс аквааэробики.

Косметолог из элитного центра безапелляционно заявила: «Массаж вам, дамочка, уже не поможет!» И взялась бить Дашино лицо низкочастотным током и холодить жидким азотом. Даже милая маникюрша подложила ей небольшую свинью – велела мыть посуду только в перчатках, «а то все труды насмарку пойдут».

Даша перебила изрядное количество тарелок и чашек. Посуда упорно не желала держаться в скользких перчаточных руках. Тогда она разозлилась и поставила к раковине Ленчика.

Тут-то домашние запасы посуды иссякли окончательно. Пришлось покупать и новые тарелки, и новые чашки. Зато уже через неделю Дашины руки помягчели, разгладились. А ногти перестали ломаться и слоиться.

Дашины *процедуры красоты* изрядно подточили семейный бюджет. Она решила сэкономить хотя бы на одежде и купить наряды на Косинском рынке. В конце концов китайские шмотки тоже шьются по ворованным лекалам известных модельеров. Но Даша пришла на колготный рынок, потолкалась в непритязательной толпе, поглядела на бесконечные синтетические одежки. И поняла, что уже испорчена красивой жизнью. Что ей, с ее новым посвежевшим лицом, стильной прической и ухоженными ногтями, нечего делать на барахолке. Она просто не сможет всунуть свое *новое* тело в одежки с кривыми строчками – уже не раз до нее примеренные потными торговками. Пришлось ехать в банк за очередной порцией денег (плакали сбережения на отпуск!) и отправляться в *настоящие* магазины.

Солидный торговый центр, расположенный неподалеку от Красной площади, Дашу разочаровал. Глаза разбегались, кондиционеры надсадно гудели, продавцы культурненько так наседали. А вещички ей нравились ровным счетом до того момента, когда она взглядывала на ценники.

Даша с удивлением обнаружила, что даже в коллекциях ведущих модельеров полно безвкусных, кричащих экземпляров. А самая дорогая обувь частенько сдавливает ногу, словно испанский сапог. После двух вечеров бесплодных поисков (Ленька, бедняга, плотно сидел на пиццах и полуфабрикатных котлетах) Даша научилась отшивать назойливых продавцов и выработала комплексный подход к поиску нарядов. Зачем ей, скажем, даже самая красивая сумка, если под нее никак не подбираются босоножки? И к чему вечернее платье, требующее высоченных каблучков-шпилек – в них она наверняка навернется при первом же шаге!

Но исследования бесконечных бутиков в подземном торговом центре прошли не зря. Кое-какие идеи насчет нарядов у Даши уже появились. *Своих* модельеров она выбрала. Но покупать пока не спешила. Старательно игнорировала снисходительные взгляды продавцов и мерила, мерила, мерила... А потом полночи вспоминала виденные наряды и рисовала эскизы сочетаемости вещей.

Когда она появилась в магазине на третий вечер, продавцы даже не удостоили ее обязательным: «Добрый вечер, чем вам помочь?» «Чего ходить, если все равно ничего не покупаешь!» – читалось на кислых мордочках девушек в форменных костюмчиках.

«Вот он, российский сервис! – усмешливо подумала Даша. – Дорого и нагло».

В этот раз она не пошла даже в примерочную. Сняла с вешалок красный брючный костюм (лен и чуть-чуть лайкры), синее платье под джинсу, длинную юбку с косым разрезом и топик с косым же вырезом. Ей под ноги бросилась продавщица, ехидно прокукарекала: «Вы не забудете оплатить покупки?» Даша метнула в нахалку уничижительный взгляд и отправилась к кассе.

Потом она так же быстро и уже без примерки приобрела две пары обуви и летнюю сумочку в тон. Белье от «Маркс и Спенсер». Хорошую косметику. Два пробника туалетной воды. Мусс для укладки волос и дорогой фен с насадками. Три пары тонких колготок.

Пакетов, пакетиков и пакетулечек в итоге оказалось столько, что пришлось ехать домой на такси. Шофер, негодяй, – разбаловались они тут, в центре! – обозвал ее район «Кукуево-Хренуево» и содрал несусветные деньги. В отместку Даша потребовала у шоферюги остановиться у супермаркета и ждать. (Не ехать же с такими покупками на рынок!) Приобрела бутылку белого вина, банку красной икры и пакетик мидий. Нужно отметить свое окончательное преобразование – и практически полное банкротство.

Леньку она встретила во дворе. Он помог ей выбраться из машины, обвешался ее пакетами. Спросил робко:

– Мам, а мы что, уже разбогатели?

– Пока только беднеем, – честно ответила Даша.

- Но... но зачем же ты тогда все покупаешь и покупаешь? – удивился сын.
– Я тебе уже говорила, – проворчала она. – Мне нужно снять стресс.

Катя Калашникова.

В то же самое время

Никто бы не подумал, что у доцента Екатерины Сергеевны Калашниковой – законный отпуск. Она выходила из дома в девять. А возвращалась – в начале десятого вечера. Усталая, как после интенсивного трудового дня, но – не заработавшая ни копейки.

Первые дни своего так называемого «отпуска» Катюша ужасно злилась. Ну надо же, как не повезло! Она ведь и курорт себе уже подобрала! И даже летние наряды купила! А теперь приходится выгуливать веселенькие элегантные платья в скучной, загазованной Москве. Одна радость – молодняк на улицах на нее пялится так, что чуть в открытые канализационные люки не падает.

Однако через неделю она в новую работу *втянулась* — как умела втягиваться в любое дело, которое считала необходимым. Ей даже стало интересно – интересно настолько, что вечерами после быстрого легкого ужина Калашникова доставала тетрадку и снова принималась за дело.

«А чем мой отпуск хуже других? – спрашивала она себя. – Подумаешь, радость – парить кости на пляжах. Время тратится, деньги текут сквозь пальцы, и для кожи загорать – тоже вредно. То ли дело сидеть в библиотеке – не жарко, денег не тратишь и получаешь полезную информацию. А отдохнуть я успею. Весь август будет мой. Еще найду, куда выбраться».

Каждое утро ровно в десять Катя парковала свой «Пунто» возле Библиотеки иностранной литературы.

Она полюбила Иностранку со времен ранней юности. Повадилась ходить сюда в школе – учила в лингафонном зале английский и французский. Зачем родителям тратить деньги на преподавов, если здесь можно изучать такой же курс абсолютно бесплатно? Здесь, конечно, домашних заданий никто не задает и их потом не проверяет. Но – ответственный человек может обойтись и без постороннего контроля.

Поступив в институт, Катя зачастила в Иностранку еще пуще. Она писала здесь курсовые. По-прежнему слушала кассеты – теперь уже испанские и португальские. В качестве отдыха – читала в оригинале «Gone with the wind»⁷ и «Master of the game»⁸. А в паузах между учебной высматривала себе кавалеров – хорошеньких и умных мальчиков в Иностранке всегда было хоть отбавляй. Это не то что Ленинка, где каждый второй читатель производил впечатление пациента психдиспансера.

У Иностранки всегда имелся свой стиль, отличный от большинства иных библиотек. Катя называла его «космополитским». Раз уж человек находится в ее стенах – значит, скорее всего он худо-бедно знает хотя бы один иностранный язык. И за рубежами России, наверное, уже побывал. Следовательно, на заурядную ученую крысу не похож – не только отчасти образован, но и не зажат, как классический «ботаник».

И еще Кате нравилось, что Иностранка не ограничивалась стандартным набором: обычный плюс газетный читальные залы. Здесь есть и лингафонный зал. И Би-би-си можно послушать. Французский, английский, американский залы завели. Показывают фильмы на иностран-

⁷ «Унесенные ветром» – роман М.Митчелл.

⁸ «Интриганка» – роман С.Шелдона.

ных языках, а перед сеансами выступает обаятельный дядечка, рассказывает о специфике восприятия на слух картин Боба Фосса или Стивена Спилберга. Кругом опять же полно иностранцев – или сами в России учатся, или приезжают поучать российских обитателей. Именно здесь юная Катя привыкала к их манерам. И, наобщавшись с чужеземцами в читальных залах и курилках, перестала их бояться. В конце концов именно здесь, в Иностранке, Катя набрала более всего материала для своей кандидатской. В той работе Катюше удалось совместить собственный интерес к несерьезной литературе и требования большой науки: диссертация называлась «Особенности перевода американской массовой литературы на русский язык».

В последнее время доцент Калашникова в Иностранке бывала нечасто. А если и приходила – то только в читалку, изучать редкие книги, заказанные ею по межбиблиотечному абонементу.

Знакомая библиотекарьша немало удивилась, увидев, что Катя твердым шагом входит в лингафонный зал.

– Вы за новым кембриджским курсом? – поинтересовалась она. – Рекомендую. Много современных идиом, хорошие дикторы.

Катя вздохнула. Она слышала про этот курс и давно хотела его опробовать. Просто – для поддержания формы. Но, увы, этот отпуск ей придется посвятить совершенно другим делам.

– Почти уверена, того, что мне нужно, у вас нет.

И она изложила библиотекарьше свою просьбу.

Та метнула на Калашникову удивленный взгляд. Задумалась. Заглянула в электронную картотеку (примитивные бумажные карточки в Иностранке заменили на компьютеры).

– Да, в открытом доступе этого, конечно, не имеется. Нужно заказывать в запаснике. Будете ждать? Часа два, не меньше.

Катя ухмыльнулась:

– Конечно, подожду! А пока послушаю кембриджский курс.

* * *

Урсул Бандаров, третий из тудунов хозарской Семьи, племянник великого хакана Каримова, чумел от своих покупателей. Что за дикий народ! Без мозгов они совсем, эти русские. Ничего в жизни не понимают.

Бандаров *держал* супермаркет «Восьмой океан». Магазин занимал ангароподобное здание на Казанском шоссе и выглядел до чрезвычайности уродливо: приземистый, длинный, покрашенный в непонятный буро-зеленый цвет.

Иллюминация, плакатики и надраенные оконные стекла, на взгляд Урсула, положения не спасали. «Настоящий хлев», – говорил он о магазине.

Однако народец слетается в «Восьмой океан», будто им тут мед на булки мажут. Вот дурачье! Модно теперь, видишь ли, отовариваться не на рынках, а в супермаркетах. Вот они и ходят с важными рожами, тележечки перед собой толкают. Закупают всякие мюсли. Вроде взрослые люди – а вид глупый, как у младенцев! Модные пацаны с мобилами напоказ ошиваются в «Восьмом океане», набивают полные телеги пива и чипсов. Довольные: «Лохи – на оптовку ходят. А мы, крутые, – в супермаркете отовариваемся!» Тетки причапывают – покупают «настоящую, свежую икру». Свежую, как же! Открывают в «Восьмом океане» обычные полукилограммовые банки, перекладывают содержимое в пластиковые коробочки. Шлепают дату: расфасовано, мол, сегодня. Вот тебе и свежая икра! А что? Все строго по закону. Никакое общество потребителей не придерется.

Супермаркет практически полностью снабжался с Косинского оптового рынка, что содержал двоюродный брат Бандарова, тудун Услан Каримов. Здесь продавали те же самые консервы

– только банки предварительно протирали от пыли и выстраивали в ладные рядки. И фрукты выкладывали высоченными затейливыми горками. И овощи.

И печенье, и зефир разный, и курочки, и телятинка – все поступало в «Восьмой океан» фактически оттуда же, что и на Косинский оптовый рынок. Только здесь все было упаковано, расфасовано. Красиво расставлено по полкам.

Много ли тупому русскому народу надо? Креветки лежат в настоящем льду. Пастила, печенье, всякие дольки апельсиновые фасуются в пластиковые лотки. Даже морковь: если ты ее порежешь, сложишь в банку да обзовешь салатом – и морковь будут хавать не втридорога – в десять раз дороже!..

Урсул Бандаров отчасти гордился тем, что его русское погоняло звучало как «Бендер».

Остап Бендер – мужик фартовый, умел жить. Урсул про него три разных кино смотрел. В одном Бендера грузин играл, в другом – еврей, в третьем – русский. И у всех троих, несмотря на национальность, красивый герой получался. Веселый и деловой. Только не везло тому, киношному Бендеру, потому что тогда вокруг был социализм. А Урсул, сегодняшний *Бендер*, – он тоже, как и его тезка из кино, умеет жить. Только ему сейчас больше везет, потому что вокруг него, в Москве, – теперь капитализм.

Капитализм – значит, свобода. Всему свобода. И ценам, к примеру, тоже. Цены эти в урсуловском «Восьмом океане», если посчитать в среднем, были в два раза выше, чем на оптовом рынке. А покупатели приходят сюда – и платят! У касс все время очередники. И все довольны! А за счет чего народ валит? Упаковочка блестящая – раз. Люди – они хуже ворон, только покажи им что-нибудь яркое. Ассортиментик. Не один сорт пиццы – а пятьдесят разнообразных сортов пицц. Не пара убогих йогуртов – а целая полка! Тридцать девять разнообразных йогуртов! Продавщиц Бендер опять же надрессировал: «Улыбайтесь, козы! Все время улыбайтесь. А то лично премии лишу. В своем кабинете».

Ну, к тому же Бандаров завел разные там примочки. Залегится, скажем, какая-нибудь фанта-хренанта, ценой по десять рублей за полулитровую бутыль. Повышаешь на нее цену – до четырнадцати. И объявляешь типа грандиозную акцию: кто взял три бутылки, четвертую берет бесплатно. Людишки русские халяву любят. Фанту-хренанту разметают моментом! А ты мало того что лежалый товар сбыл – еще и в прибыли оказался.

На халяву вообще кого угодно приманить можно. Его двоюродный братец Усланчик в это никак не врубается. Услан – коллега, тоже держит продуктовую точку, Косинский рынок. Но все его *новшества* по сравнению с бендеровскими – старый рис на прокисшем подсолнечном масле.

Завел, например, Усланчик у своего рынка платную парковку. И что, сильно заработал на том, что должно ему идти с парковки? Все равно парковщики – жулье, бабки с людей берут без квитанции и большую часть капусты тырят. А машины не охраняют – каждую неделю от рынка по тачке угоняют! Покупатели, ясное дело, обижаются. Перебираются с Косинского рынка – в тот же «Восьмой океан», где парковаться можно на халяву. Тут светло, чисто. На стоянке – разметочка, музыка гремит. Покупатели выкатывают из супермаркета телеги с товаром прямо на улицу, перегружают бесплатные полиэтиленовые сумочки, набитые продуктами, прямо в свои багажники. Не «Восьмой океан» получается, а филиал Соединенных Американских Штатов. И все дорогие господа покупатели друг перед другом понты кидают. Выходит важный хрен из супермаркета, жмет на брелок с сигнализацией чуть ли не от порога... И по сторонам посматривает – видел ли кто, что ему откликнулась, фарами ему помигала не «девятка» вшивая, а «Пассат» или «Ауди»...

А на парковке в числе прочих «черных хозар» дежурят два своих, особо приближенных охранника. Высматривают, что и как. И между делом сканируют у нормальных тачек охранные коды. Чисто на всякий случай. Потом представляют Урсулу отчет. Ассортимент тачил получается огромный, только выбирай. Все модели, цвета, года выпуска. Вдруг кому из нужных людей

«Ауди» понадобится, кому – «десятка», а кому – «шестера» (это если краденый товар перевезти)? Тут-то Бендер и помогает. От магазина, естественно, еще ни одной тачилы не угнали: репутацию-шмепутацию приходится соблюдать. А вот это же авто от дома или от офиса клиента – гонит за милую душу. Сигнализация, считай, взломана, номера известны. Чего б не угнать?

Услан давно, еще с детства, мечтал: иметь бы такое дело, чтобы ты отдыхал, а деньги – капали. О своей мечте он никому не рассказывал, до поры впахивал, как дядя, великий хакан, учил – до усрачки. А сейчас наконец решил: могу немного расслабиться. «Восьмой океан» благодаря ему уже давно превратился в корову, бесперебойно снабжавшую его – и всю Семью! – бесплатным молоком.

Номинальный директор супермаркета Бендера как огня боится. Потому торчит в «Океане» денно и нощно, впахивает. Обе бухгалтерши (одна делает «чистый» баланс, а другая – «черный») тоже стараются, боятся вылететь со своей хлебной работки.

Бесперебойно подходят-разгружаются машины, подсобники фасуют товар, кассирши с навечно приклеенными улыбками пробивают покупки. Чего ему здесь торчать? Дело само делается, без его участия.

Урсул любил ночами забить партию в очко – хоть дома, хоть в своем казино, в «Золотой фишке». Или – прихватить пару-тройку малышей (благо мужских сил у него немерено), свозить их в сауну, поразвлечься – покуражиться. А потом – поспать до полудня, неспешно откусывать кофейку с коньяком да с тортиком. (Кстати, «Восьмому океану» в решении собственных продуктовых вопросов он не доверял. Кофе заказывал в Бразилии, коньяк – в Армении. А торты ему пекли на заказ в ресторане «Прага».)

В этот день Бендер спустился к машине только в начале второго. Любимый «БМВ» сиял лакированными боками. Бендер любовно похлопал машину по хищной полированной морде: «Красавица!»

Урсул сел за руль. Сейчас он заскочит к Верке (ух, горяча, зараза!), а потом можно и на работку. Посмотреть, не бушует ли «Восьмой океан». Впрочем, что ему бушевать? У него там – и дамбы с плотинами построены, и сторожевые катера курсируют... В общем – полный контроль.

* * *

– Ты уверен, что программа работает?
– Работает. Еще как!
– Я только что оттуда. Там все тихо.
– Во народ дает! Неужели еще не въехали?! Надо было вбить сумму побольше.
– Ладно, что теперь говорить! Сейчас мы как письма отправим – там такое начнется!
– Текст у тебя? Давай. Так, это – в налоговую инспекцию. Это – в общество потребителей. Это – в прокуратуру. А в СЭС-то зачем?
– Так, на всякий случай.
– А где я тебе и-мэйл СЭСа возьму?!
– Ну ты же умный. Сейчас найдешь.
– Ага, вот он. Есть, отправил. Еще куда?
– М-м, давай в мэрию. Есть? И в префектуру. Отправил? А, вот еще – в Администрацию Президента.
– Ну, это уж слишком.
– Отправляй, отправляй! Слушай, а ты уверен, что они нас не вычислят?
– Не должны...
– Ты же говорил, что уверен – на сто процентов!

– Ну хорошо – будем считать, что я уверен на все сто процентов.

* * *

Первым к кассе подошел выпускник пятого класса Димыч. Сегодня он пришел в супермаркет со строго определенной целью – проверить свою везучесть.

Газированная вода «Блю Дрю» проводила рекламную акцию. Под каждой второй крышкой прятался приз: еще одна бутылка воды. Денег у Димыча имелось строго в соответствии с ценником – девять рублей пятьдесят копеек. Что ж, если повезет, он уйдет из «Океана» с двумя бутылками.

За Димычем в очереди стоял Колян с подругой. «Вот стерва, таки развела меня на «кам-пари», – беззлобно думал он, поглядывая на свою подружку. – И апельсинов пришлось набрать, и авокадо, и этих... чертяк фейхоа. Денег – впритык, не осрамиться бы на кассе. Спасибо, память у меня хорошая. Все вроде бы посчитал. Должно хватить».

За мощными плечами Коляна едва виднелась крошечная старушка – следующая в очереди. На восемьдесят пятый день рождения внук подарил ей калькулятор. Подарок вручал со снисходительным напутствием: «Только ты, бабуль, небось им пользоваться не научишься». Однако бабушка нехитрую технику освоила без труда и теперь цокала кнопками не хуже любого бухгалтера. Она всегда брала калькулятор в «Восьмой океан» – ей гораздо приятней было знать о том, сколько придется платить еще до того, как кассирша объявит сумму. Сегодня бабуля подсчитала: девушка попросит с нее ровно восемьдесят четыре рубля сорок восемь копеек.

Покупатели терпеливо ждали, пока подойдет их очередь.

Очереди в «Восьмом океане» выглядели расслабленными, добрыми – почти как на Западе, когда люди стоят за билетами куда-нибудь в Прадо или в Лувр.

Покупатели пока не знали, что с двенадцати ноль-ноль сегодняшнего дня все кассы супермаркета «Восьмой океан» автоматически прибавляют к каждой покупке лишние тридцать три копейки.

* * *

Урсул Бандаров – Бендер прибыл в «Океан» только в три часа дня. Одновременно с ним на парковку въехала неприметная «девятка». Урсул сроду бы не обратил внимания на такую позорную тачку – если б из нее не выгрузились трое крепких и очень *решительных* парней. Бендер нюхом почуял: ребята – при исполнении. И исполнять свои обязанности они намереваются именно в «Восьмом океане».

«Что за херовина?» – удивленно подумал Урсул. И на всякий случай задержался в машине. Чего переть на рожон? Лучше понаблюдать, помозговать, прикинуть, откуда пошла *подстава*.

Не успел Бендер начать мыслительный процесс, как к «Восьмому океану» подкатила еще одна тачка – черная «Волга». Из нее поспешно выбрались две кислomордые тетки и унылый мужичок. Урсул не удостоил бы их и взглядом – когда б мужик, поспешая ко входу, не вынул на ходу из пиджака удостоверение нехорошего красного цвета.

«Про левую семгу прознали? Про говядину из Англии – может, бешеную? Про водку с нарисованными акцизками?» – лихорадочно соображал Урсул.

Из супермаркета тем временем выкатилась толпа покупателей. Бритоголовый браток с девахой, древняя бабка, мелкий пацан, пара красномордых теток. Люди выглядели странно. Во-первых, держались они стайей – хотя что у них, таких разных, может быть общего? А во-вторых, ни у кого в руках не имелось фирменных «океанских» пакетов с покупками.

Урсул нажал на кнопку стеклоподъемника, приспустил окно и услышал: *«Жулье! Грабеж! Сволочи! Вот ведь придумали!.. Дураят русский народ!.. Ну, налоговая им покажет!!!»*

Бендер решительно ничего не понимал.

Возмущенные покупатели имелись всегда. Кому-то рыба с гнильцой попадется, кого на кассе обсчитают. Но сегодня, Урсул чуял нюхом, случилось что-то посерьезней, нежели некачественный продукт или банальный обсчет. Возможно, настолько *серьезней*, что лучше ему сейчас в магазин не соваться. Пусть управляющий отдувается. А он, Бендер, сначала все выяснит-утрясет и только потом явится в магазин. Появится – весь в белом. Быстро и со знанием дела урегулирует проблему и вставит тем, кто его до *проблемы* довел.

Урсул включил заднюю передачу и плавно вырулил с парковки. Собственно, ехать ему никуда не надо. Просто сделать – в спокойной обстановке! – пару телефонных звонков. Он решил остановиться неподалеку, на стоянке подле парка «Кусково». Там тихо, спокойно – никто ему не мешает. До парка ехать – три минуты и два светофора.

Бендер вырулил на Казанское шоссе. Выезжая, привычно подрезал какую-то убогую «копейку». «Копейка», уворачиваясь, дернулась и едва не вылетела на встречную полосу. «Вот чайник!» – в сердцах подумал Бендер. И услышал истеричный свист гибэдэдэшника. «Совсем менты спятили! – удивился Урсул. – Мою машину не знают!»

Он, разумеется, не остановился. Продолжал неспешно двигаться в сторону парка «Кусково». И был немало удивлен, когда ментовская тачка, надсадно ревя маломощным движком, села ему на хвост. «БМВ», черный, номер пять-пять-пять! Примите вправо и немедленно остановитесь!» – услышал он хриплый голос из матюгальника.

Бендер досадливо нажал на тормоз. Поставили, блин, на пост ментов-новичков! Трать теперь на них время! Объясняй, что к чему...

* * *

– Все письма ушли. Вот подтверждение.

– Отлично! Ты у меня – монстр!

– Монстр?!

– Монстрик, хорошенький, добрый, умный монстрик... Слушай, а второе-то дело ты сделал?

– Задала ты мне задачку с этим делом! Всю ночь не спал.

– Ми-ильй! Устал, да? Сварить тебе кофе? Или хочешь – разведу тебе шипучую аскорбинку? Пару граммов? Сразу мозги прочистятся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.